

18+

Семен
Крашенинников

Сборник

Семен Крашенинников

Сборник

<https://litres.ru/74160972>

ISBN 9785007041737

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Есть пути, по которым не ступает никто, кроме тех, кто готов смотреть глубже. Если ты откроешь эту книгу, ты войдёшь в пространство, куда попадают только избранные. Здесь любовь не выглядит привычно: она меняет очертания, иногда пугает, иногда лечит, но всегда остаётся настоящей. И если ты решишь идти дальше, я покажу тебе ту любовь, которую обычно прячут даже от себя.

Содержание

Предисловие	5
«307 высота»	9
«Если бы мир был другим»	22
«Что- то ценное»	24
Глава 1. — «Голос в браслете»	24
Глава 2. — «Холод и шаги»	32
Глава 3. — «Тепло по ошибке»	37
Глава 4. — «Короткий выдох»	42
Глава 5. — «Где кончается ночь»	49
Глава 7. — «Перед бурей»	59
Глава 8. — «Искра посреди пепла»	64
Глава 9. — «Пока ты рядом»	72
Глава 10. — «Грань»	78
Глава 11. — «После»	83
«Виски с ромом»	88
«Когда падёт гнев»	103
Глава 1. — «Кратер»	103
Глава 2. — «Инстинкт»	107
Глава 3. — «Имя»	112
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Сборник

Семен Крашенинников

© Семен Крашенинников, 2026

ISBN 978-5-0070-4173-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Внимание! Обязательно и внимательно прочтите предисловие перед дальнейшим текстом!

Этот текст предназначен исключительно для взрослой аудитории старше восемнадцати лет (18+). Он содержит сцены, которые могут быть травмирующими или тяжелыми для восприятия. Перед прочтением ознакомьтесь с предупреждениями.

В тексте присутствует:

Физическое насилие и драки — персонажи подвергаются агрессии, получают удары, падают, борются за выживание;

Психологическое насилие и стресс — страх, паника, чувство беспомощности, психологическое давление;

Элементы пыток и причинения боли — описаны художественно, без реалистичных подробностей, но могут вызвать эмоциональный дискомфорт;

Опасные ситуации и угрозы жизни — сцены захвата, угроз, заперения, ограничения свободы и/или движения;

Использование оружия или устройств для нападения — технологические или фантастические элементы, способные вызвать у персонажей боль или угрозу;

Алкоголь и его употребление персонажами — описаны последствия употребления;

Киберпанк и модификации персонажей — высокотехнологичные элементы и вмешательство в тело или разум персонажей;

Темы травм и шрамов — упоминаются физические последствия прошлых ранений;

Высокая эмоциональная напряженность — текст может вызвать тревогу, страх, шок и чувство дискомфорта.

Важно:

Текст содержит художественное насилие и сцены опасности, не предназначенные для подражания в реальной жизни;

Все персонажи, события и ситуации вымышлены, любые совпадения с реальными людьми или событиями случайны;

Читатель принимает полную ответственность за своё восприятие материала и подтверждает своё совершеннолетие;

Если вам меньше восемнадцати (18+) лет, или сцены насилия и психологического стресса могут вызвать у вас дискомфорт, воздержитесь от прочтения.

Автор предупреждает, что материал может быть

тяжёлым для психики. Он создан исключительно в художественных целях, его задача показать борьбу, страх и эмоциональное напряжение персонажей, а не пропагандировать насилие.

Все события, персонажи и организации, упомянутые в данном произведении, являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, государственными структурами или историческими событиями случайны и непреднамерены.

Автор не ставит целью пропаганду или дискредитацию каких-либо политических взглядов, социальных групп или государственных институтов. Описываемые ситуации и технологии являются художественным вымыслом и не имеют отношения к реальности.

Материал предназначен исключительно для ознакомления в рамках художественной литературы.

Перед вами не обычный сборник, где каждая точка поставлена твёрдо. Здесь есть рассказы, которые прожили свою полноценную жизнь от первого слова до последнего. А есть «осколки» короткие фрагменты, обрывки сцен, идеи, которые пока не обрели форму законченной истории, но, как мне кажется, имеют право на свет.

Осколки не хуже и не лучше. Они просто другие. Некоторые из них когда-нибудь станут рассказами. Некоторые останутся собой. Я решил не ждать и поделиться тем, что имею сейчас, — целым и разбитым, дописанным и оборванным. Надеюсь, вы найдёте в этой мозаике что-то своё.

Приятного чтения!

«307 высота» (Осколок)

...Если когда-нибудь меня спросят, как всё началось, я не стану вдаваться в подробности.

Скажу просто — это была цепочка случайностей, обдуманных и не очень решений, и, пожалуй, моего упрямого желания прожить жизнь так, как хочется.

Без шаблонов, без указаний, без ожиданий от тех, кто сам боится жить.

Может, стоит объяснить, почему я так думаю.

Я видел слишком много людей, которые не живут, а существуют — тихо, ровно, как будто идут по конвейеру. Они не меняют ничего, не потому что не могут, а потому что не хотят.

Слишком удобно. Слишком привычно.

Они называют это стабильностью, я называю — аквариумом.

Тёплым, безопасным, прозрачным и, как ни странно, безвоздушным.

Когда-то я и сам плавал в этом аквариуме.

Я оправдывал страх перемен, прятался за нерешительно-

стью, убеждал себя, что так проще.

Но в один момент понял: проще — не значит лучше.

Просто значит — без жизни.

Я снова ушёл в сторону...

Хотя, может, так и должно быть. Ведь всё, что я пишу — не ради структуры, а ради правды.

Помню тот вечер.

Снег шёл крупными хлопьями, медленно и спокойно, будто кто-то сверху решил укрыть землю одеялом тишины. Я стоял посреди улицы, глядя, как под фонарём кружатся снежинки, и впервые за долгое время чувствовал покой. Не знаю почему, но именно снегопад всегда трогал меня сильнее всего. В нём нет ни крика, ни спешки — только молчание. Такое редкое, настоящее молчание, в котором слышишь себя.

Я прошёл несколько метров, нашёл скамейку, смахнул с неё снег и сел. Закурил. Огонёк сигареты на мгновение выхватил из темноты мои руки, пар, и снежинки, тающие на перчатках. Холод медленно пробирался под куртку, но уходить не хотелось. Я просто сидел и слушал тишину, вдыхая этот запах зимы — свежий, терпкий, живой. Мысли приходили как всегда — без приглашения. О прошлом, о решениях, о людях, которых оставил. О том, что сделал правильно, и о том, чего, возможно, никогда не стоило касаться.

В такие моменты мне кажется, будто жизнь — это не дорога, а сложный узор следов, пересечений и поворотов, ведущих неизвестно куда. Ты идёшь, не зная, правильно ли. Но продолжаешь идти, просто потому что остановиться — страшнее.

Сигарета догорала, снег налипал на плечи. Я поднял голову к небу и вдруг подумал — а ведь я мог бы быть там. Высоко. Где нет улиц, окон, людей, бесконечных разговоров о пустом. Где есть только небо, ветер и ты.

Странно, ведь я никогда не любил самолёты. Они всегда казались мне слишком ненадёжными, слишком громкими. Но сама мысль — быть там, над всем этим, управлять огромной железной птицей — пробрала до костей. Как будто где-то внутри откликнулось что-то забытое, старое, но живое.

Я улыбнулся, затушил сигарету, и пошёл домой. Ночь была ясной, воздух — колкий, прозрачный. Под ногами хрустел снег, вдалеке редкие фонари растягивали свои лучи, и каждый шаг отдавался в груди эхом. Я шёл медленно. Не потому что устал, а потому что не хотел терять этот момент — когда в голове нет ничего, кроме покоя. Когда можно просто быть.

Дома меня, как обычно, никто не ждал. И, пожалуй, в этом было какое-то странное утешение. Когда-то я мечтал о семье, хотел стать отцом. Но воля случая распорядилась иначе. Теперь мне ближе одиночество — не пустое, а честное. Я достал ключи, и в тишине подъезда звук домофона показал-

ся оглушительным. Поднялся на свой этаж, повернул замок. Дверь открылась. Встретили темнота и холод. Я выдохнул, поставил пакет с продуктами на пол и закрыл дверь. Окна были приоткрыты — я проветривал перед выходом, чтобы избавиться от запаха табака. И в этот момент, из глубины квартиры, раздалось знакомое недовольное мурчание.

Тихое, низкое, почти басовитое.

Я улыбнулся.

— Ну здравствуй, Шерман. Кажется, кто-то снова голоден.

Шерман, мой старый товарищ, вальяжно вышел навстречу и остановился посреди коридора. Его шерсть отливала серебром в тусклом свете фонаря за окном.

— Ну что, ночной дежурный, — сказал я, — не спишь, как всегда?

В ответ раздалось низкое, басовитое «мррр», которое скорее походило на ворчание, чем на приветствие. Я усмехнулся.

— Ты бы хоть мяукнул по-человечески, а то не поймёшь — рад ты мне или снова требуешь жертвоприношение в виде корма.

Шерман не сдвинулся с места. Смотрел осуждающе, как умеют только коты. Мы выдержали короткую паузу. Потом он медленно выпрямился, прижал уши и, будто через силу, издал своё знаменитое «мяу».

— Вот, другое дело. Теперь всё по уставу.

Я снял куртку, поставил пакеты на стол, достал корм и привычным движением наполнил миску. Шерман, не дожидаясь приглашения, подошёл и начал есть, тихо урча от удовольствия. Я стоял рядом, опершись о стену, и смотрел на него.

Тепло. Тихо. Почти уютно.

— Представляешь, — сказал я наконец, — вдруг захотелось летать. В небе, на самолёте. Не куда-то конкретно, просто... туда.

Он не ответил. Только остановился на секунду, поднял на меня глаза — зелёные, внимательные — и тут же вернулся к ужину.

— Знаю, знаю, — продолжил я. — Бред. Но почему-то эта мысль не отпускает. Будто всё, что было раньше, — подготовка к чему-то, чего я ещё не понимаю.

Я прошёл в комнату. На столе стояла пустая кружка, рядом — недописанная тетрадь. Я провёл пальцами по её краю и сел. С улицы тянуло холодом, снег всё ещё падал за окном, медленно, густо, как в старых фильмах.

— Летать, — прошептал я, глядя на огонь за стеклом свечи.

— Быть выше всего этого. Не чтобы убежать, а чтобы... увидеть иначе.

Шерман подошёл и, как всегда, запрыгнул на край стола. Он улёгся на тетрадь, будто специально, чтобы я не мог ни-

чего писать, и замурлыкал. Я усмехнулся.

— Ну вот, всё как обычно. Я — с идеями, ты — с опытом. И, как всегда, ты побеждаешь.

Кот лениво прикрыл глаза, согрев воздух своим ровным мурчанием. А я смотрел на снег, который ложился ровным покрывалом на крыши и дороги, и чувствовал, как внутри поднимается что-то новое. Не восторг, не надежда — скорее тихая уверенность, что скоро всё изменится.

Прошло несколько дней. Мысль о полётах не отпускала. Она возвращалась утром, когда я пил кофе, и вечером, когда гасил свет. Я стал читать о самолётах, смотреть старые записи испытаний, слушать рассказы пилотов. Каждая деталь, каждый звук двигателя отзывался где-то глубоко внутри.

И вот, в один из вечеров, я просто открыл ноутбук и набрал в поиске: «Курсы малой авиации. Обучение пилотированию».

Не знаю, что мной двигало. Может, скука. Может, та самая сила, о которой все говорят — когда жизнь вдруг решает показать тебе другую дорогу. Я оставил заявку, закрыл ноутбук и долго сидел в темноте.

В окне всё так же падал снег. На полу спал Шерман, тихо шевеля лапой во сне, будто ловил кого-то. Я смотрел на него и думал:

А вдруг всё это — не просто случайность?

Обучение началось тихо, почти незаметно. Без фанфар, без чьего-то одобрения — просто с утра я оказался на старом аэродроме, где пахло керосином, ржавчиной и мокрой травой. Серое небо нависало низко, и ветер нес в себе ту самую смесь звуков и запахов, что потом я научился любить больше всего.

Инструктор был немногословен. Старый пилот, с глубокими морщинами и глазами, которые видели небо чаще, чем людей.

— Боишься? — спросил он, когда я впервые подошёл к самолёту.

— Не знаю, — ответил я. — Наверное, уважаю.

Он хмыкнул. — Хороший ответ. Запомни: небо не прощает тех, кто его не уважает.

Мой первый самолёт был «кукурузником». Тяжёлый, шумный, простой как топор. Когда двигатель впервые взревел, у меня по спине пробежал холод. Но стоило колёсам оторваться от земли — и весь страх исчез. Словно кто-то снял с меня невидимую цепь.

Я не помню, сколько длился тот первый полёт. Может, несколько минут, может, вечность. Я просто смотрел вниз — на крошечные дома, линии дорог, тонкие ручейки рек — и чувствовал, как где-то внутри расправляются крылья, которых у меня никогда не было.

Потом были дни, недели, месяцы. Я летал, учился, ошибался, снова летал. Иногда меня пугала тишина между взлётом и посадкой — та хрупкая грань, когда под тобой сотни метров воздуха и только ты держишь курс.

Но потом страх стал привычкой.

А привычка — удовольствием.

Через несколько месяцев я попробовал планер. Без двигателя, без звука — только ветер и шёпот неба. Когда крылья планера поймали поток, и мы начали подниматься, я почувствовал нечто похожее на медитацию. Полная тишина, ни одного лишнего звука. Лишь дыхание воздуха, которое будто проходило сквозь меня. Тогда я понял, что никогда не чувствовал себя живым настолько. Не от кофе, не от книг, не от разговоров — а именно от этого полёта. Почти священного.

Однажды, на закате, когда мы возвращались с очередных учений, инструктор сказал:

— Знаешь, иногда небо само выбирает, кого оставить.

Я спросил:

— А остальных?

Он усмехнулся. — Остальных — отпускает.

Я не понял тогда, что он имел в виду.

Понял позже.

Через несколько месяцев после окончания курса пришла

новость. Наш аэродром переходит под командование военных. Говорили о «новой программе», о подготовке пилотов для экспериментального подразделения. Среди нас выбрали несколько человек — тех, кто показал лучшее владение техникой и выдержку. Я попал в этот список.

В тот день, когда мы впервые вошли в военный ангар, я почувствовал, как всё изменилось. Там не было привычного запаха керосина — только холод металла, масла и чего-то почти электрического. Ряды самолётов стояли, как спящие звери, готовые в любой момент проснуться. Нам показывали машины нового поколения: маленькие, манёвренные, с усиленной бронёй и автоматическим кормовым оружием. Среди них был один, который сразу притянул мой взгляд. Он стоял чуть в стороне, укрытый брезентом, будто забытый всеми. На корпусе виднелась цифра — 2. И именно в этот момент я почувствовал странное — будто кто-то тихо позвал меня по имени.

— Это «несчастливая двойка», — сказал техник, заметив мой взгляд. — Старый экземпляр. Он помолчал, потом добавил:

— Первый пилот погиб. Говорят, сама машина его и убила.

Я усмехнулся, думая, что это байка. Но потом подошёл ближе, провёл рукой по фюзеляжу. Холодный металл ответил лёгкой вибрацией, почти как дыхание. И вдруг всё стало ясно.

Это не просто самолёт. Это — живое существо, усталое, обиженное, но всё ещё готовое взлететь. Я не знаю почему, но почувствовал связь. Ту самую, что бывает только между теми, кто уже однажды падал.

С того дня я приходил к ней почти каждый вечер. Сидел рядом, разговаривал, молчал. Иногда казалось, что металл отвечает лёгким гулом — как если бы слушал.

Остальные смеялись, говорили, что я чокнулся.

А я знал — просто они не слышат.

«Счастливая Двоечка», — сказал я как-то, глядя её корпус.

— Пусть теперь тебе повезёт.

И она будто вздохнула. Лёгко, почти незаметно.

Сначала мне не разрешали даже подходить к ней.

«Экспериментальная модель, аварийная, не трогать без допуска», — повторяли техники, словно мантру. Но я упрямился. Каждый день после вылетов оставался в ангаре, помогал им с другими машинами, разбирал и собирал узлы, пока не стал частью команды. А потом просто перестал спрашивать. Я знал, что рано или поздно всё равно сяду за её штурвал.

Ремонт занял почти два месяца. Половина деталей — старые, выработанные до предела, вторая — новые, несовместимые с её конструкцией. Приходилось изобретать, адапти-

ровать, подгонять вручную. Я знал каждую царапину, каждый болт, каждый звук. Иногда мне казалось, что я не чиню самолёт — я лечу рану живого тела.

Ночами я оставался один в ангаре. Холод, слабый свет ламп, эхо шагов. Иногда казалось, что «Двоечка» дышит. Металл чуть подрагивал, когда я проходил мимо, будто узнавал. И я начинал говорить — тихо, бездумно: о себе, о страхах, о том, как скучаю по тем, кто остался в прошлом. Она слушала.

Однажды я не выдержал. Надел комбинезон, забрался в кабину и просто сидел, чувствуя под ладонями холодный металл. Внутри пахло маслом и пылью, но этот запах почему-то казался родным.

Я положил руки на штурвал и закрыл глаза. И в тот момент — клянусь — что-то щёлкнуло. Не в машине, не в мозгу — где-то глубже. Я вдруг услышал ритм. Не звук, а как будто сердце, стучащее в унисон с моим.

Через неделю пришло разрешение. Официальное. Короткая бумага, пара подписей и сухая фраза: «Допущен к тестовому вылету на борту №2. Под личную ответственность». Когда я взял документ, руки немного дрожали. Не от страха — от понимания, что всё это не случайность.

Первый запуск двигателя дался тяжело.

Она кашляла, рычала, скрипела, будто протестовала против пробуждения. Я держал рычаг, шепча:

— Тише... спокойно. Всё уже позади.

И вдруг двигатель загудел ровно. Звук пошёл чистый, ровный, как дыхание после долгого сна. Я почувствовал, как всё внутри сжалось и отпустило одновременно.

— Ну что, родная... полетаем?

Взлёт был тяжёлым. Полоса неровная, ветер сильный. Но когда колёса оторвались от земли, я ощутил, будто не я управляю ею — а она мной. Каждое движение, каждое колебание — будто заранее известно. Никакого сопротивления, никакого страха. Мы летели, как единое существо. Солнце пробивалось сквозь тучи, и снежные потоки блестели под крыльями. Я не видел ничего, кроме света и неба. А «Двоечка» пела. Не двигатель — именно она. Тихо, низко, на грани слуха.

В тот момент я понял, почему прежний пилот погиб. Он не слушал. Он пытался подчинить её, как технику, а не понять, как живое. Она не прощает тех, кто не слышит. Но я слышал. И она слушала в ответ.

Когда мы вернулись на землю, двигатель замолк мягко, почти ласково. Я вылез из кабины, сделал пару шагов и остановился. Воздух был неподвижен. Только хлопья снега падали на корпус, тихо тая на тёплом металле. Я провёл рукой по

боку фюзеляжа и шепнул:

— Мы с тобой едины, правда?

Ответом стало лёгкое дрожание под ладонью. Так еле заметное, что могло показаться иллюзией. Но я знал — мне не показалось.

С тех пор мне больше не снились сны о земле. Только небо, только холодная высота и тонкая, как дыхание, связь. И если бы кто-то спросил тогда, чего я хочу — я бы ответил просто: «Летать. Пока она со мной».

«Если бы мир был другим»

Если я тебя когда-нибудь забуду,
Ты приходи ко мне во сне.
Прогонять я тебя не буду —
Наоборот, прижму по ближе к себе.

Ты можешь тихо рядом лежать,
И слова совсем не нужны.
Только дыхание твоё
И тепло твоё рядом, только рядом с моим.

Я всегда буду здесь и всегда буду рядом,
И тебя никуда не пущу.
Ведь я только об этом мечтаю —
Быть ближе, как можно ближе к тебе.

И даже если мир станет холодным,
И шум уйдёт, оставив тишину,
Я буду рядом в каждом вздохе,
В каждом сне, в каждом мгновении твоём.

Ты — тихое чудо, которое я храню,
И сердце моё всегда рядом с тобой.
Ни время, ни расстояние не смогут
Отнять ту близость, что между мной и тобой.

«Что- то ценное»

Глава 1. — «Голос в браслете»

Она очнулась от липкого сна с пульсом в горле. Веки тяжелы, кожа в пыли, рот пересох. Под ребрами вибрировал тревожный холод.

На запястье — чёрный браслет. Он ожил сразу. Без света. Без приветствия.

Голос ровный, мужской, лишённый акцента и эмоций.

Сообщение для всех участников:

— Добро пожаловать. Фаза первая. Осталось: девяносто дней. Ваша цель: выжить.

Правила- следующие:

Находиться в пределах зоны, отображаемой на браслете.

Всего шесть фаз зоны:

Первая- длится 90 дней, выход за её пределы доступен на 180 минут.

Последующие фазы уменьшаются соответственно до шестой которая длится 40 минут, выход за её пределы доступен на 20 секунд.

Возвращение в зону и повторный выход за её пределы сбрасывает таймер до максимального времени доступного на данный момент.

В случае если игрок находится в зоне по истечению таймера, встроенный в тело игрока чип активируется и разрушает капсулу с ядом.

При попытке снять или повредить браслет также будет активирован чип с ядом.

Браслеты можно соединить между собой в количестве 4 штук максимум.

На браслете отображаются личные показатели здоровья участника, карта территории, место нахождения «союзников» с которыми установлен контакт, также время до сужения зоны, таймер максимального времени нахождения за пределами зоны и количество человек оставшихся в живых на данный момент.

На карте отмечены точки интереса такие как:

Крупный город «Новосвет». Много укрытий, оружия, припасов.

Военный комплекс «Прометей». Не отмечен на карте. Бункеры, казармы, вышки, подземные туннели.

Самое мощное оружие и боевые стимуляторы можно найти только здесь.

Доступ в подземную часть блокирован — открывается при активации группы из двух и более браслетов.

Сельская зона «Затон и Луговое». Поля, разрушенные деревни, колодцы, старая церковь.

Заводская зона «Чернелъ». Огромный промышленный комплекс: цеха, краны, конвейеры. Токсичные испарения,

поднимающаяся пыль.

Радиостанция «Эхо». Высокая вышка и маленькое здание связи на холме, неподалёку от «Зареченска». В определённые моменты можно услышать перехваченные сигналы — иногда от других игроков, иногда от «Системы». Отсюда можно попытаться взломать браслет или отправить сигнал. Попыток на взлом три. При использовании всех трёх попыток неудачно сработает чип с ядом. При хотя- бы одной удачной попытке игрок и все зарегистрированные члены группы получают свободу от игры и теряют возможность пользоваться браслетами. Правила на них больше не распространяются.

Снятие браслета происходит автоматически при достижении четырёх оставшихся участников.

Уменьшение количества участников ведёт к ускорению заужения зоны.

Взаимодействие с другими участниками — не регламентируется.

— Нарушения фиксируются. Вы находитесь под наблюдением. — Желаем удачи.

Щелчок. Тишина. Только ветер за бетонной стеной.

Вновь щелчок. Сообщение для конкретного участника:

— Вы находитесь в небольшом посёлке под названием «Луговое». Игроков по близости не обнаружено. Присутствует наземный транспорт, оружие, медикаменты, припасы и личное защитное снаряжение. Вы находитесь за пределами

игровой зоны, проследовать в неё нужно до завершения периода в 90 дней. Таймер автоматически запущен. Игроков в живых 196 из 200. Давление и пульс в норме. Главная цель- выжить.

— Что... что произошло? Как я тут оказалась?

Мысль пронзила голову заставив всё тело дрожать. Пока звучало сообщение- четверо уже погибли. Растерянность и страх толкнули её прочь от центра комнаты к холодной стене. Внезапно что- то под её рукой лязгнуло. Пистолет. Схватив его покрепче, нацелилась на окно напротив. Браслет подал сигнал: пульс превышает допустимую норму. В глазах потемнело, руки опустились.

— Успокойся. Система сказала, рядом никого нет. Дыши. Не паникуй.

Нажав на круглую кнопку рядом со спусковым крючком, вытащила из пистолета магазин. Он пуст. Не далеко от стола, стоящего посередине комнаты, лежала небольшая синяя коробочка- патроны для пистолета. Девушка встала и подойдя к коробке, взяла её и вытряхнула содержимое на стол. Маленькие цилиндры покатались по дереву. Собрав их в кучу, принялась аккуратно, по одному укладывать их в магазин. Когда он был полон, собрала остатки в карман и с громким металлическим стуком зарядила пистолет.

В доме ещё оказался индивидуальный перевязочный пакет, шлем, две бутылки с газировкой, одна из которых сразу была осушена девушкой до половины, и весьма вместитель-

ный рюкзак. Сложив в него всё найденное кроме пистолета, заметила, что на улице начался сильный дождь. К сожалению, одета она была не по погоде. Да и чего уж там, когда она потеряла сознание она собиралась на свидание и была одета в короткие белые шорты, топ и футболку. Всё это отлично подходило для свидания в жаркую погоду, однако сейчас разве что кроссовки могли более- менее пригодиться. Однако, лучше всё это дело заменить на что- то более тёплое и незаметное. Исходя из этой логики было принято решение: обойти все окружающие дома и найти что- нибудь потеплее и понезаметнее, а также укрытие для ночлега. Согласно карте, рядом находятся несколько небольших домов. Решено было начать с соседнего, двухэтажного дома.

В доме напротив оказались- сосиски, капуста и две банки консервированного завтрака. Гречка с говядиной и гречка с курицей. По мимо этого, опытным путём выяснила, что в кране вода, холодная- но она есть. Поднявшись на второй этаж, заметила лежащий на полу свёрток из старой ткани весьма внушительных размеров. Медленно развернула его. Внутри оказалась длинная винтовка с прицелом, отдалённо напоминающая знаменитый автомат Калашникова. Рядом с ней лежали несколько металлических коробок. Магазины для винтовки под завязку забитые патронами. Весьма полезная находка в данной ситуации. Девушка взяла винтовку в руки, вставила один магазин в нужные пазы и попыталась дёрнуть затворную раму, но она не поддавалась. При-

слонив винтовку к плечу- попробовала вновь, но дослать патрон так и не удалось. Поставив винтовку прикладом на пол и взявшись руками за ствол, поставила ногу на затвор и на этот раз у неё получилось зарядить винтовку. Патрон дослан в патронник. Тяжёлая, чёрная винтовка Драгунова. Она не прощает слабости, но внушает доверие. Продолжила осмотр. Нужно поискать что-нибудь более лёгкое в плане перезарядки и веса. Отложив винтовку в сторону, продолжила изучать дом. Две небольшие комнаты, в одной из которых оказалась металлическая пружинная кровать с матрасом. Кем-то заботливо застеленная в чистое постельное бельё. Сверху на белом одеяле лежал, тяжёлый продавливающий своим весом, жилет. Самая нужная вещь в данных условиях. Рядом с кроватью стоял шкаф и тумбочка. В тумбочке оказались тёплые носки и штаны с камуфляжной раскраской. Как раз то, что нужно в подобных условиях. В шкафу висел серый пиджак и чёрная водолазка, а снизу стояли военные сапоги-берцы. Не долго думая, девушка скинула с себя прежнюю одежду, заботливо сложив её в тумбочку. Оставшись только в нижнем белье и топе. Натянув на ноги тёплые носки, сразу почувствовала- насколько они толстые, тёплые и мягкие. Затем штаны. На удивление они были как раз, будто кто-то специально для неё подбирал их. Теперь водолазка, заправив её в штаны, застегнула ремень, который был вместе с штанами. «Теперь, я как настоящий спецгент». Мысли-промелькнувшие в голове заставили девушку улыбнуться.

Теперь самое главное проверить соседние дома, забрать всё необходимое и затем забаррикадироваться в этом весьма уютном доме. Немного подумав, всё-таки надела пиджак поверх водолазки. Под дождь — сгодится.

В соседних домах не оказалось ничего интересного, зато в небольшом сарае нашлась керосиновая лампа, походная посуда из алюминия и кожаная куртка с меховой подкладкой и капюшоном. Сложив всё в рюкзак и натянув сверху куртку, выдвинулась в сторону понравившегося дома. Зайдя и закрыв за собой дверь на замок, заметила на вешалке серый мужской шарф. Аккуратно сняв его, ей вдруг вспомнился отец. Единственный человек — который всегда был рядом с ней, как бы тяжело не было на душе. Шарф пах прямо как он, тёплый, приятный запах, слегка отдающий табаком. Сердце сжалось. Девушка аккуратно завязала его вокруг шеи. Стало теплее — не телу, душе. Память откликнулась. Напомнило то время, когда они с отцом жили в деревянном доме и как он успокаивал её, уже такую взрослую, но для него всё такую же маленькую. За окном, как и тогда постукивал дождь.

— Я обязательно выживу пап. Вот увидишь, я выберусь отсюда живой и здоровой. — На глазах невольно навернулись слёзы.

— Надеюсь ты сейчас рядом и как раньше защитишь меня.

Постояв немного около входной двери, придвинула к двери стол, некогда стоящий на кухне. Очень хорошо, что на

всех окнах есть решётки. Если кто-то попытается проникнуть внутрь я наверняка это услышу. Поднявшись на второй этаж, закрыла за собой дверь и забаррикадировала её тумбочкой, на всякий случай. Сняла пиджак и вернула его на изначальное место. Сняв с себя остальную одежду, забралась под одеяло. На браслете 21:00. Постепенно становится всё темнее и темнее.

— Смогу ли я выжить? Смогу ли вернуться? Хотя, меня уже никто не ждёт, зачем мне отцовский дом если в нём нет его самого. Не хочу лишний раз травить душу в месте, где всё напоминает его.

Печальные мысли вновь начали появляться в голове девушки. Она вытащила из тумбочки шарф и положила его рядом, чтобы почувствовать вновь присутствие отца и успокоиться. Со временем мысли начали путаться, а тёплое и тяжёлое одеяло в совокупности с мягким матрасом и подушкой медленно усыпили её.

Глава 2. — «Холод и шаги»

Тепло.

Под одеялом было слишком хорошо, чтобы просыпаться. Матрас прогибался под телом мягко, почти заботливо. Комната напоминала загородную спальню из старого сна: плотные шторы, прикроватная лампа, одежда на стуле. Рядом лежал пахнувший табаком шарф- за ночь он сполз к подушке. Девушка прижала его к лицу и на мгновение забылась.

Потом браслет на запястье дрогнул.

Цифры вспыхнули: 188 участников в живых. Вчера было 192.

Тепло исчезло мгновенно; кровать стала каменной. Девушка неспешно выбралась из-под одеяла и села на край. На полу лежала винтовка- тяжёлая, чёрная СВД. Её металл оставался холодным даже в доме. Девушка встала, надела водолазку, штаны, толстые носки, застегнула ремень жилета. Кожаную куртку с мехом- напоследок. Внутри что- то туго сжалось: не страх и не ярость, а готовность.

На кухне, где когда- то жили люди, стояла банка гречки с курицей. Она аккуратно открыла крышку, чтобы не порезаться об острые края. Запах оказался терпимым; голод кольнул в животе. Ложка мерно скребла по жести; она ела медленно, будто за ней наблюдали.

Снаряжение проверила машинально: патроны, газировка,

перевязочный пакет- всё на местах.

Сначала шёл дождь- тяжёлый, мокрый, звенел по капюшону и стекал ледяными струями за ворот. Потом остался только ветер: он обжигал уши, хлестал по щекам, вырывал дыхание. Винтовка натирала плечо, но девушка гнала это чувство прочь.

Деревня за спиной рассыпалась в серой дымке. На пути тянулись разбитые сараи, ржавые цистерны, бетонные скелеты. Следы жизни редели с каждым километром.

Первый дом- угасший костёр, разодранный рюкзак.

Второй- пуст, но в воздухе пахло газом.

Третий- лишь серая тишина; будто память стёрли вместе с жильцами.

Иногда она приседала на корточки- не столько отдыхала, сколько старалась стать ниже, незаметней. Мир сжимался, и вместе с ним сжималась она. Браслет мигнул: 186. Ни выстрелов, ни криков.

— Все исчезают... без звука, — шепнула она и поднялась.

Очередной дом выглядел как все: косой забор, ржавая ка-литка, стёртый номер. Первый этаж пуст. На втором- окно, занавешенное плотной тканью, и в центре комнаты ржавый пружинный диван. На диване- тело. Молодая блондинка, на-гота синее под холодом. Руки и ноги вывернуты и туго свя-заны, кожа в ожогах и синяках, на шее рваные порезы. В ви-сок вплавлена аккуратная дыра пули.

Девушка застыла; пульс превысил норму, браслет коротко пискнул. Горло свело, подступила волна тошноты, и она отшатнулась к стене, прижала ладонь ко рту.

Боли не было- лишь жгучий привкус желчи, когда судорога вывернула желудок. Горькая жидкость обожгла горло и губы. Мысли рассыпались, оставив одно: люди способны на это. Страшно.

Она опустилась на колени. Тело девушки смотрело в потолок- без просьб и жалоб, просило лишь тишины. Зашла в комнату и подняв одеяло, лежащее в углу комнаты, укрыла погибшую, словно ту ещё можно согреть.

— Прости... — выдохнула и долго сидела рядом, пока гул в ушах не стих.

Сумерки съели свет, и туман плотным слоем лёг на землю. Среди стволов небольшого парка вырисовывалось кафе с проваленной крышей. Перед ним танцевали жёлто- красные язычки костра.

У огня- двое.

Парень, высокий, в тёмной куртке. Девушка в длинном пальто и вязаной шапке. Они смеялись, пили из одной бутылки.

Она затаилась в кустах, сняла с плеча СВД, приникла к оптике. Сердце билось глухо, как под бронёй. Подойти страшно. Остаться — тоже.

Парень вдруг насторожился, мягко поднял винтовку, всё это время скрытно лежащую в траве, что-то сказал спутнице

и шагнул вперёд. Его выстрел вспорол туман; пуля ударила в сосну рядом.

Девушка рефлекторно ответила: выстрел. Парень пошатнулся и упал.

Спутница вскрикнула, упала рядом, прижала ладони к его лицу. Он ещё дышал.

Она всхлипывала, шептала слова- не разобрать. Потом медленно поднялась, повернула голову и встретилась взглядом с незримым снайпером в кустах.

Пистолет в женской руке дрожал, потом застыл. Одно движение.

Хлопок.

Тишина.

Героиня в кустах не шевельнулась. Мир вокруг застыл. Внутри будто оборвалась тетива: судорога сжала живот, лёгкие слиплись. Она выронила винтовку, согнулась- и снова вырывало. Горько, едко.

— Я... не хотела... — хрипло прошептала, поднимаясь на колени.

Два тела. Тишина. Кровь расплзлась по мокрой траве. В браслете вспыхнуло: 184.

Она не помнила, как встала на ноги. В глазах стоял белёсый, вязкий туман, но не тот, что ползал по земле, а собственный, внутренний. Шаги отдавались гулко, будто по пустому залу. Трава не шуршала, листья не шелестели- даже

ветер замер. Перед ней лежали двое безымянных. Жертвы, герои- или такие же сбившиеся дети чужого эксперимента. Слёзы засохли под веками, ни одна не упала.

— Я не хотела... — прогудело где-то в отдалении, словно чужой голос сквозь воду.

Она медленно подняла винтовку, перекинула за спину, повернулась не к телам, а от них и пошла. Просто пошла- без цели, без мыслей, словно по дну холодного озера, словно тень себя самой.

Туман послушно расступался, признавая в ней свою.

Глава 3. — «Тепло по ошибке»

Земля ушла из-под ног неожиданно. Шаг- скольжение- вес тела ушёл вперёд. Склон, мокрый после утреннего дождя, с радостью принял её. Она кувыркалась, ударяясь то боком, то коленом, то рюкзаком, и когда всё закончилось, тело лежало в луже, а грудь тяжело всхлипывала от боли. Бедро ныло тупо, под кожей словно кто- то стучал маленьким молотком. На локтях- ссадины. Ладони расцарапаны, правая сбила кожу. Лицо было в грязи, волосы- в комках. Плечо пульсировало. Что- то тянуло в пояснице. Но всё это было не важнее, чем одна мысль:

— ...не здесь, — прошептала она.

Она медленно села, ощупала ноющее бедро, выдохнула сквозь стиснутые зубы.

— Я не подохну здесь. Ни за что.

Река была узкой, быстрой, холодной. Чёрная вода текла быстро по каменистому жёлобу, будто кто- то специально выложил его специально- как барьер.

Она разделась молча. Куртка, штаны, бельё- всё было мокрым, тяжёлым, в грязи. Только кожаная куртка, удивительно, почти не пострадала- она аккуратно сняла её и положила на плоский камень у берега.

Одежду она отстирывала в воде, яростно, как будто от этого зависело что-то большее, чем ткань. Потом вошла в ре-

ку сама. Холод ударил в грудь, обхватил всё тело ледяными пальцами. Ноги свело, пальцы немели. И она нырнула.

На секунду исчезли звук, свет, боль. Сама вода на мгновение перестала быть холодной. Только тёмная тишина. Когда она вынырнула, из горла вырвался резкий вдох. Лёгкие жгло, сердце колотилось, в голове была только одна мысль: жить, выжить- любой ценой.

Озноб тряс её, когда она вылезала на берег. Вся дрожала, как натянутая струна. Она наспех выжала вещи, собрала их охапкой и побрела в сторону домиков, что виднелись между деревьями.

Деревня оказалась брошенной. Старые деревянные дома- покосившиеся, тёмные, молчаливые. Она выбрала тот, у которого была целая крыша и закрытая дверь.

Внутри пахло плесенью, пылью и деревом. Стены были в пятнах, мебель- старая. Она сразу нашла два сломанных стула, разломала их и сложила в старую каменную печь. В шкафу, рядом с печкой, нашлись спички. Разжигала с трудом, но пламя всё- таки родилось- скромное, дрожащее, как и она сама.

Одежда сушилась у огня. Майка и шорты были единственными сухими вещами в рюкзаке.

Холод бил даже сквозь ткань. Кожа побелела. Дрожь не прекращалась.

Когда она прошла по дому в поисках чего-нибудь по-

лезного, ей повезло. В шкафу валялся огромный шерстяной свитер. Он был растянут, поношен, но мягкий. Она натянула его и утонула в нём- как в чьей- то заботе. А под кроватью, в свёртке, оказался новый спальный мешок. Абсурдно новый, будто оставленный кем- то недавно.

Рядом в шкафу она нашла простыню, пахнущую лишь пылью, почти не тронутую временем. Она вытряхнула её и села у огня. Принялась тереть волосы, впитывая влагу, пока голова не перестала казаться льдиной.

Куртку, которую она спасла, теперь аккуратно чистила куском тряпки, найденным на кухне. Шлёпала по коже, вытирая пятна, оттирая грязь из сгибов.

Пока вещи сушились, она поставила винтовку на колени. Ствол в грязи. Прицел в пыли. Она не знала, как правильно её чистить- только интуитивно вытирала, проверяла. Старалась не задеть ничего важного, не уронить детали.

Руки дрожали. Она не была солдатом. Она была просто... собой. Обычной. Живой.

Дом стал чуть теплее. Но не безопаснее.

Она постоянно ощущала чьё- то присутствие и взгляд. Будто кто- то смотрит из- за угла, из- за стены, из тьмы. Пустота вокруг не давала расслабиться. Даже огонь не защищал.

Спальник она расстелила у стены, чтобы спиной быть к доскам. По обе стороны поставила две тумбочки- как защиту, как баррикаду. И пистолет положила рядом.

Она села в спальник. Потом- легла. Пальцы сомкнулись на пистолете.

Браслет запищал.

Сначала- шум, треск. Потом голос. Искажённый, глухой:
— ...широкополосный подавитель радиочастот активирован...

— ...все участники... свободны... можете покинуть зону...

Её дыхание сбилось. Девушка не поверила сначала. А потом...

...смех. Настоящий. Дикий. Лёгкий.

Смех и слёзы шли вместе, как будто впервые ей разрешили чувствовать. Она хотела выжить. Хотела домой.

Потянулась к браслету- сорвать, выбросить- Щёлк.

Голос сменился. Механический. Холодный.

«Нарушение устранено.

Количество участников: 133.

Все правила возобновлены.

Попытка покинуть зону- ликвидация.»

Далеко снаружи раздался низкий гул.

Будто закрылись сотни дверей.

Минус 51 человек. За полминуты. Просто исчезли.

Она не двигалась. Сердце стучало.

— Никому не сбежать... — выдохнула она.

Пистолет уже был в руке. Она подтянула его ближе к жи-

воту, залезла с ногами в спальник. Печь потрескивала. Воздух всё сильнее наполнялся запахом старого дерева. Постепенно тело победило дрожь. Веки опустились.

Спала она неглубоко.

Всё ещё чувствовала взгляд, где-то в темноте.

И всё ещё держала пистолет.

На всякий случай.

Глава 4. — «Короткий выдох»

Взрыв разорвал утреннюю тишину- глухо, будто где- то за стеной подпрыгнуло небо. Следом- другой, ближе, и секунда сухих автоматных очередей. Она выдернулась из сна. Сердце лупило в горле, во рту кисло, пальцы уже на рукоятке пистолета.

«Туда нельзя... — мелькнуло. — Подальше от выстрелов».

Берцы ещё с вечера не просохли; внутренняя прокладка оставалась сырой, ледяной. Она сдёрнула их, бросила на пол и вытащила сухие кроссовки. На теле уже была тонкая майка и шорты. Сверху — куртка. Свитер — обратно в рюкзак. Нога ныла после вчерашнего падения: каждый шаг отзывался тупым каштаном боли под коленной чашечкой, но оставаться было нельзя. Руки дрожали, когда она стянула ремень винтовки через плечо, но дыхание быстро стало ровным: страх делал его таким.

Она ушла от звука — зигзагами между заброшенных дач и заросших садов, пока стрельба сзади не превратилась в далёкое эхо. Утро пахло мокрой листвой и гниющей травой; тяжёлый туман стлался так низко, что колонны деревьев выглядели чужими.

Ушиб в бедре ныл. Она то и дело поглядывала на браслет: цифры дрожали, но оставались прежними — 133.

Дорога вывела к неожиданному месту: крупный посёлок, не обозначенный на карте. С обеих сторон через реку тянулись два бетонных моста — точно симметрия. Вода под ними бурлила, будто торопилась вымыть это пятно с земли.

Пятиэтажные панельные дома стояли, как серые гробницы. Ни вывесок, ни людей. Она выбрала подъезд с выбитой дверью. Запах копоти, мокрый мусор под ногами, бетон облез от сырости. На четвёртом этаже — пустая квартира. Дверь закрылась с глухим щелчком, и мир будто ушёл на шаг дальше.

Она расстелила спальник на пыльном паркете. Колени подогнулись — вдруг навалилась слабость. В рюкзаке осталось жалкое: банка гречки с говядиной, вакуумная упаковка сосисок и тёплая газировка. Завтрак из банки пахло железом; она ела медленно, чтобы хватило — при каждой ложке желудок вздрагивал. Сосиски оставила «на потом, если доживу».

Далёкий рёв мотора пробился через приоткрытую форточку. Она подползла, выглянула. К дому напротив подкатил зелёный джип с облезлыми номерами. Из него вышли четверо мужчин — бывшие военные: бронежилеты, разнокалиберные «стволы», шлемы с грязными забралами. Походка — уверенная, как у людей, которые привыкли, что выживут. Они смеялись, кидали шуточки, толкались плечами.

— Сегодня, мужики, праздник живота! — крикнул один. Багажник они распахнули настежь — внутри штабеля тушёнки, булки хлеба, консервы, колбаса, бутылки алкоголя.

Запах мяса и жира долетел до квартиры — желудок свело спазмом, а слюна стала горькой. У неё — почти ничего. У них — всё.

Они разжигали костёр прямо на дороге, уселись на раскладные стулья.

— Помнишь ту блондинку, а? — рявкнул бородатый, и все захохотали. — Жаль, быстро кончилась...

Слово «блондинка» ударило, как плеть. У неё вспыхнуло в памяти связанное тело из прошлой деревни. Желудок скрутило. Она отползла, не удержала рвоту — горькую, кислую.

Но еда нужна. Если не украдёт — сдохнет.

Только она решилась, только прижалась к оконной раме, как увидела: один из военных, подойдя к багажнику, вдруг рухнул вперёд. Ни крика, ни вспышки. Лишь короткий свист, будто лента плётки рассекла воздух.

— Снайпер! — рявкнул второй. — Глушитель!

Двое подхватили «стволы», стали спина к спине, глаза — по крышам. Молчали. Дышали. И ждали.

Через минуту второй упал. Один хлопок, еле-слышимый. Кровь впиталась в пыль асфальта.

Оставшиеся двое — внутрь подъезда. Слаженно, без паники. И снова тишина. Длинная, вязкая.

Потом внутри дернулся красный отблеск. Граната. Гул, взрыв, окна выплюнули стёкла. На дорогу вывалились куски мяса, клочья формы, шлем раскололся, как яйцо.

У неё похолодело внутри. «Кто способен на такое?» Она

снова взяла винтовку. Поставила стул, упёрлась локтями. Из тёмного дверного проёма вышел молодой парень в чёрной водолазке, бронежилете, без шлема. Тёмные волосы, лицо не разглядеть — свет костра выхватывал лишь скулы.

Он шёл, будто скользил.

Без спешки. Из огня — в тень. Она вскинула прицел на его голову.

Если он заметит меня — я труп. Стреляй.

Он поднял взгляд. Точно в прицел. В точку между перекрестьями. В душу.

Она дёрнула курок. Стекло взвыло, осыпалось. Но в прицеле — ничего. Он исчез.

Она откатилась к стене, коленями в пол. Навела винтовку на вход. Шаги? Гул в ушах? Шорох? Сердце билось так, будто хотело вырваться.

Скрип. Медленный, как насмешка. Дверь качнулась. Она выпустила три патрона — вслепую, в тень за косяком. Тишина. Ещё страшнее.

Дверь распахнулась. На пол покатился серебристый цилиндр.

— ...чёрт... — Она отпрыгнула в сторону, за стену комнаты.

Свет. Хлопок. Треск. Белый огонь сжёг глаза, удар в барабанные перепонки оборвал звук. Она упала, хватая воздух. Мир перевернулся, расширился и сжался в точку. Срочно найти винтовку. Нашупала рукоятку, потянула — не сдви-

нулась. Что-то сверху намертво прижало её. Отпрыгнула к стене, в рюкзаке спасительный пистолет. Не успела. Чьи-то руки — сильные, цепкие — перехватили запястья. Не ломали, не били — но чем-то связывали. Она дёргалась, как заяц в петле, мышцы горели, силы ушли.

— Нет, нет, пусти... прошу... -Зашептала она, захлёбываясь. Голос — тонкий, сорванный. Как у ребёнка, которого душат страхом.

— Тихо, — раздалось рядом. Без угроз. Без гнева. Только контроль. Тёмный силуэт. Без маски, лицо — размыто, глаза — две бездны. Запах дыма, пороха и чего-то свежего, холодного. Он обмотал её запястья чем-то мягким, затянул узел, связал ноги. Сила в пальцах металлическая, но бережная. Как будто он защищал её от собственных рывков. Её потащили. Тело скользило по полу. Она билась пятками, пыталась уцепиться, но руки не отпускали. Слёзы выступили сами. Не от боли — от отчаяния.

Она снова лежала на спальнике. Руки связаны. Оружие — там, у двери. Плечи тряслись. Губы кусали слёзы.

Она не кричала. Только дрожала.

Глаза расширены.

Слёзы текли по вискам.

Пальцы сжались в кулаки, ногти впились в ладони. Она смотрела в потолок. Но не видела. Всё вокруг стало нереальным. Не звуков. Не мыслей. Не выхода.

Внутри что-то надломилось.

Не резко. Не с хрустом.

А тихо. Медленно.

Просто сломалось.

Она больше не шептала, не просила.

Вместо слов и криков пришёл пустой вакуум. Она замолкла. Совсем.

«Я ещё жива?..»

«Нет... Неважно.»

«Руки... Я не чувствую их. Просто... тугое. Как будто меня завернули в собственный страх.»

«Я не могу пошевелиться. Не потому что не хочу. Просто... не могу. Тело будто не моё.»

«Он не говорил ничего лишнего. Не ударил. Просто связал. Уложил. Как будто я вещь. Как будто всё это не настоящему.»

«Я выстрелила. Он мог убить меня. Почему он не...»

«Я должна была... Я должна была выжить. Убедать. Найти кого-нибудь. Хоть кого-нибудь...»

«Я никого не найду.»

«Я одна. Я снова одна. И теперь даже не могу сказать об этом вслух.»

«Не кричи. Не шевелись. Не дыши громко. Он рядом. Он где-то совсем рядом.»

«Вдруг я сейчас — просто трофей? Просто молчащее тело, которое можно отнести в угол, бросить, забыть. Или... нет. Хуже. Гораздо хуже.»

«Он же слышал, как меня вырвало. Видел, как я дрожала. Он знает, как мне страшно. И всё равно подошёл. Всё равно...»

«Если он сейчас заговорит, я, наверное... разломаюсь. Как пустая банка под ногами.»

«Просто не дыши. Не думай. Не чувствуй.»

«Ты же умела отключаться. Умей снова.»

«Хоть на немного. Хоть на эту ночь. Хоть на это мгновение.»

Треск печи шёл где-то далеко, будто за стеной воды. Запах горелого дерева смыкался над головой, но не грел.

Тепло по ошибке разгладилось и исчезло. Осталась тишина. И новый страх, который она даже не могла назвать.

Глава 5. — «Где кончается ночь»

Холод держит за горло. Тёмные стены дышат нечистым сквозняком, бетонный пол отдаёт леденящую сырость прямо в кости. Если бы не спальный мешок, она наверняка чем-то заболела. Героиня лежит на боку: запястья стянуты мягкой, но прочной тесьмой; лодыжки — одним грубым ремнём. Ни печи, ни огня: только гул ветра в оконных проёмах и висящая где-то сверху паутина пыли.

Жива. Только зачем?

Он вернётся — и тогда? А если уйдёт, придут такие, как те четверо. Будут издеваться...

Двигай пальцами. Раз-два... боль терпима, верёвка впицается в кожу, но пальцы шевелятся.

Ползти? Нет, далеко не уползу. Ремень вскоре прорежет кожу до живого.

Не закричать. Подашь голос- поймут, что ещё цела.

Молчи... может, забудут.

Слёзы не выходят. Тело лишь дрожит мелкой, непристойной дрожью, как у зверька которого придавил лапой большой хищник.

Вдруг тёмный угол шевельнулся.

Что-то прикоснулось к бедру. Она выгнулась, как струна, — никого. Только небольшая мусорная куча в углу.

На груди — жгучая точка. Прицел? Мерцает красным, ис-

чезает.

В ушах — нарастающий писк, будто мир решил говорить ультразвуком.

Второе касание — по ключице, медленное, как проба мяса. Она едва не вскрикнула. Воздух режет лёгкие, и паника сквозь ребра зудит:

«Сейчас. Сейчас начнут. Сейчас повторяют то, что сделали с ней... Или ещё хуже...»

Мир дрожит, стены дышат. Пол становится жидким, будто под ногами болото.

Сознание рвётся; тьма хлещет по глазам.

И — мгновенно — провал.

Резкий вдох, как нож в горло.

Свет сереет сквозь разбитые стёкла, ослепляет. Верёвки на запястьях ослаблены: он перерезал один виток. Ноги ещё в ремне. Оружия нет. Холод хлещет, будто ледяной кнут. Она судорожно оглядывается: пустая коробка комнаты, голые стены, облупившаяся краска.

Сердце колотит: «Не тронули... Пока... Но зачем?»

Дверь тихо скрипнула.

В проёме — парень, не старше двадцати пяти. Чёрная водолазка, тёмно-серый бронежилет, чёрные тактические штаны, на лбу тонкая царапина. В руках — фляга и дымящаяся жестяная миска.

Он опускается на корточки, оставляя метр между ними.

— Суп. — Голос ровный, будто говорит с раненым зверем.

— Там копчёная говядина и макароны. Глотай медленно.

Запах — мясной, сладковатый — бьёт по голоду. Желудок сводит судорогой. Она ползёт ближе, будто на льду. Руки дрожат, когда хватают металлический край. Глоток — боль в горле, ещё — и желудок согревается. Тошнота отступает.

Парень кладёт на пол ещё и крошечную коробочку: две таблетки.

— Желчь успокоит. — Отворачивается, будто не хочет давить взглядом.

Она проглатывает. Не понимает: спасает — или откармливает.

Но страх сильнее: ступор держит горло.

Он бросает краткий взгляд на верёвки, достаёт нож. Плавным движением перерезает верёвки. Запястья ноют, кровь бежит к пальцам.

— Попытаешься убить — не промахнусь.

Сказано без угрозы — как прогноз погоды.

Он подходит к старому столу: на досках — её рюкзак, винтовка без магазина, пистолет с затворной задержкой.

Оставляет всё как есть, ни слова.

От стены он берёт серый пакет-майку, почти новый.

Вынимает: чёрные женские джинсы, эластичный топ, серая футболка, чёрные кроссовки и носки.

— Магазин через квартал. Думал, если ты решишь поехать... Подобрал на глаз.

Парень кладёт рядом с ней стопу вещей и, не глядя, отходит к двери. Он наверняка провёл там едва ли пять минут — хватал вещи, прикидывал к собственному предплечью, проверял швы..

Щёки обжигает жаром — она вспоминает, что на ней только старая, влажная майка и шорты.

В соседней комнате, дрожащими пальцами, она развязывает шорты, тянет ткань вниз — и вдруг замечает:

под серой футболкой и топом, на аккуратно сложенных джинсах, лежит мягкий прямоугольник ткани.

Она касается его — женские брифы, серого цвета, простые, но чистые.

Секунда замирания.

Он подумал об этом. Даже это. Никогда бы не подумала, что самый интимный предмет гардероба может выглядеть как акт милосердия. Пальцы сжали ткань — дрожь прошла по спине. То ли от радости. То ли от стыда.

Она натягивает бельё, потом джинсы, затем топ и футболку.

Всё — впору, будто мерили.

Поверх — кожаная куртка, привычная и тёплая, хоть и потрёпанная.

Девушка выходит из комнаты. Парень встречает её холодным взглядом.

— Ты свободна, можешь идти. — Разворачивается и уходит.

Позади дома — джип под маскировочной сетью. Парень снимает брезент, бросает в багажник канистру, ящик с едой.

Она стоит у двери.

В коридоре тянет промозглой пустотой.

Одна — значит снова холод, голод, люди с оружием.

Она идёт за ним.

— Зачем идёшь? — спрашивает он, заводя двигатель.

— Одна не выживу. Могу готовить. Перевяжу, если ранят.

Он раздумывает секунду — ровно одну.

— Хорошо.

Браслеты прикасаются: дисплей мигает зелёным — Сформирована группа.

Она залезает на пассажирское сиденье. Закидывает рюкзак и винтовку назад. Трясёт, но уже не от одного холода — от непонятного будущего, где страх и надежда смешались в одно.

— Вот, возвращаю. — Он протягивает ей магазины от винтовки.

— Теперь, когда мы союзники думаю ты не станешь использовать оружие против меня.

Джип трогается. За окнами серый мост, вторая арка, вода волнуется. Будто от шторма.

Впереди — указатель: бункер связи, 4 км.

Холод всё ещё режет кожу, но внутри вспыхнул тонкий, осторожный жар: не одна.

Мотор урчал ровно. Обогреватель в машине работал не

сильно, но достаточно чтобы девушка согрелась и почувствовала себя в безопасности.

Глава 6. — «Оазис посреди смерти и безумия»

Джип скрипит по платформе, вгрызается шинами в густой мокрый песок. Видна массивная бронированная плита-ворота; по краям — облупившаяся жёлтая краска, посередине — едва читаемая табличка «Сектор 3».

Он вылезает из машины и зовёт её за собой.

— Приложи сюда браслет. — Парень показывает на небольшой металлический выступ рядом с дверью. Девушка прикладывает браслет к этому выступу и одновременно с ней парень делает тоже самое но немного подальше. Электропривод тихо стонет, створка поднимается сантиметр за сантиметром — внутри раскрывается короткий бетонный тоннель-гараж.

— Загоняю внутрь. Закроем, — бросает он.

Она кивает; руки всё ещё дрожат, но пальцы уверенно держат пистолет.

Машина скрывается в темноте. Фары баюкают пыль, как снег. Они вдвоём выгружают ящик с консервами, канистру воды, магазины с патронами. Ворота опускаются. Следом — толстый гермозатвор: круглая дверь с ржавыми ручками-«лепестками». Они заходят внутрь, парень поворачивается к замку двери. Поворот — металл стонет, встаёт на место. В помещении глухо: эхо от собственного дыхания.

Впервые за долгое время она слышит тишину без ветра —

и это звучит как обещание спокойствия хоть и на время.

Внутренний коридор ведёт к блоку с чистой кухней, туалетом, душевой, двумя спальнями. Лампочки загораются ровным белым светом; вентиляция тихо шумит, как утренний лес.

На полках — ровные ряды банок; в медблоке — вакуумные пакеты со шприцами и антибиотиками; в душе — горячая вода.

— Никто не жил, — шепчет она. — Ни пылинки на столе.

— Либо жили и ушли давно, — отвечает он, проверяя надёжность толстой стальной двери и поворотного замка.

Горячая струя душа бьёт в затылок; она закрывает глаза, пока вода смывает кровь чужих пальцев, пыль и страх.

От тепла поднимается беспричинная усталость. Ступни ватные; в висках — стук.

Она переодевается в старую майку и шорты, чтобы спалось легко. Тело слегка ломит, но она списывает всё на холод последних дней.

На кухне — тихий ужин: тушёная фасоль, хлеб, сладкий чай из термоса. Он ест медленно; она почти не чувствует вкуса.

— Всё нормально? — спрашивает он.

— Тепло... просто тепло, — улыбается она, хотя в глазах блеск.

По коридору — к своей спальне: шаг, второй... пол внезапно кренится. Сердце вскакивает в горло; жар, будто кто-

то держит её голову над костром.

Она падает на колени, тяжело дышит.

Он подхватывает — браслет подаёт резкий звуковой сигнал: температура 39,2 °С; пульс 163.

Он несёт её на руках в комнату. Стелет мягкий матрас, покрывало, разворачивает её спальник. Бережно укладывает сверху.

— Пей. — Кладёт под язык жаропонижающую капсулу, даёт воду.

Долгое время температура не хочет падать. Он меняет холодный компресс на лбу, сидит напротив, сцепив ладони.

Она мечется, шепчет отрывки фраз, судороги в пальцах.

— Утащат... не трогай... не режь...

Он слышит каждое слово — больно, будто режут по костям. Но сидит. Сменяет компресс. Считает удары сердца: её и свои.

Полночь. Наконец она потеет, температура отступает. Слабая, бледная, встаёт, босыми ступнями идёт по коридору — к его двери, оставленной приоткрытой.

Он лежит на боку, одеяло сбито к ногам, дышит ровно.

Лёгкое касание к спине — он рывком просыпается, перехватывает её руку, потом мгновенно разжимает пальцы.

— Тебе лучше?

— Мне страшно. Можно побыть немного рядом с тобой?..

Он отодвигается к стене, давая ей место. Она поджимает ноги, присаживаясь рядом.

— Почему ты так быстро просыпаешься?

— Предчувствие. С каждым выстрелом оно точнее. — Пауза. — Так я и заметил тебя в окне.

Внезапно её будто срывает и она рассказывает всё: блондинка, поле тумана, свой выстрел, как боялась его. Голос у неё сиплый, но слова наконец идут свободно. Вдруг она вновь чувствует холод. Не физический- ментальный. Она тянулась к нему не из страха, не оттого что боялась темноты или новых кошмаров. А потому что рядом с ним становилось тише — внутри. Ей вдруг стало невыносимо важно, чтобы он не ушёл. Не исчез. Чтобы его ладонь оставалась рядом. Просто была.

— Обними. Иначе... иначе снова провалюсь в тот кошмар.

Он колеблется секунду и осторожно обнимает. Слышит, как быстро, но мягко бьётся её сердце.

Она замирает — кожа горит, но уже не от жара.

— Спасибо... что не убил и помог... — шёпот. Губы дрожат.

Через минуту отходит, возвращается в свою комнату.

— Не закрывай дверь, — просит она.

— Не закрою.

Две двери остаются открытыми настежь — узкий коридор, и тишина в бункере похожа на колыбель.

Впервые за долгие дни они спят долго и глубоко. Ни выстрелов. Ни ветра.

Только тусклый свет дежурной лампочки и тихий гул вентиляторов.

Глава 7. — «Перед бурей»

Утро начиналось со звука затвора.

Она проснулась, когда он уже был в гаражном тоннеле. на столе лежала бордовая пропитанная тряпка, разложенные пружины, затворы, магазины. Струна света из лампы резала бетонную пыль.

В третий день он нашёл люк. Под тяжёлой крышкой — арсенальный ящик.

Из-под промасленной ткани он вынул винтовку — усовершенствованная «Мосинка»: ствол вытянулся узко, словно хотел говорить шёпотом. Он закрепил длинный прицел, проверил ход затвора: звук был мягче дыхания.

— Лёгкая. Твоя.

Она провела ладонью по ложу из укреплённого, чёрного пластика. Дышать стало свободнее — и страшнее одновременно.

Новый пистолет лёг в её ладонь, будто всегда там был. Магазины он разложил кассетами: два — к винтовке, пять — к пистолету. Тактические перчатки затянулись на запястьях — кожа больше не будет скользить от пота.

«Теперь я почти солдат», — подумала она и заметила, как он смотрит на неё — взгляд тёмный, тревожный, но мягкий. Совместными усилиями был создан распорядок дня.

Утро — проверка камер.

День — чистка оружия, тренировка в коридоре: он отрабатывал быстрый выпад, смену магазина, раскидывал пустые гильзы, как семена. Она училась смотреть в прицел, дышать так, чтобы крестик не дрожал.

Ночь — смены: по пять часов каждый. В остальное время они стали делить на еду, редкие диалоги и сон, который всё равно не хотел быть глубоким.

На браслетах счётчик медленно падал: 112... 105... 97... 93.

На экране камеры — группа из троих. Один бросил гранату, второй едва успел пригнуться, третий уже стрелял в спину.

Камера дрогнула от взрыва, на стекле остался бурый хлест.

Она нажала «выкл». Горло сводило как от льда.

— Нормы умерли в первый день, — тихо сказал он. — Когда у тебя спрашивают, готов ли ты жить, с оружием в руках... ответ один. Если не стрелять — стреляют в тебя.

Как-то ночью ей снова стало страшно: не от людей на экране, а от него — точнее, от того, как легко он это произнёс.

Ночью она пришла, стала в дверях.

— Ты... правда никогда не сомневаешься?

— В чём?

— В том, что можно не убивать.

— Если на меня смотрит дуло — сомнения глупы.

Его слова тронули холодной прямотой. Она отвела глаза. Серые, стальные, но в них не было жестокости — только усталость.

Он вдруг добавил — тихо, будто боялся, что слова испортят воздух:

— Я... когда поймал тебя тогда... ты дрожала, но взгляд... зелёный. Даже через винтовку. И как ты боролась и держалась за жизнь, даже когда не могла дышать.

Слова споткнулись, но он заставил их выйти:

— Так я понял, что буду оберегать тебя. Как смогу.

Она почувствовала, как кожа на лице вспыхивает. В горле встал ком. Хотелось одновременно плакать и смеяться.

— Я думала... ты просто машина.

— А я думал — ты выстрелишь ещё раз. Мы оба ошиблись.

Ночью она проснулась от едва слышных стонов. Парень лежал без одеяла, весь в поту, плечи каменные, грудь вздымалась, будто воздух не шёл. Воздух вокруг горячий, запах не пота, а чего-то железного, опасного.

Она коснулась его тыльной стороной ладони. Он проснулся рывком, кинжально схватил её запястье, но тут же ослабил пальцы. В глазах — война, грязь, кровь, и почти сразу всё это закрылось.

— Кошмары?

— Тебя у меня на руках.... Моё бездействие.

Она обняла его, придавила ухо к его груди. Сердце отбивало войсковой шаг, но постепенно перешло на медленный такт.

— Иди в душ, смой это.

Он послушался. За дверью душевой сначала шипела вода, потом она услышала тяжёлую рвоту. Сердце у неё сжалось в узел. Он — такой же как и я, живой.

На четвёртый день она поймала его в тренировочной: ещё один отжим, ещё толчок, руки дрожат, колени подкашиваются, а он — снова и снова повторяет.

— Хватит. Если упадёшь, если не справишься в нужный момент от усталости, что будешь делать?!

Он хотел возразить — сил не хватило. Она усадила его на край кровати, взяла маленькую бутылочку масла, которую нашла в аптечке.

Коснулась лопаток, твёрже стали, чувствовала под пальцами миллиарды волокон, что вот-вот лопнут. Постепенно жар уступил, дыхание уравнилось. Он уснул так, словно никто и никогда не говорил ему: «Спи спокойно». Девушка наклоняется к его уху.

— Ты не один теперь. Мы оба не одни. Слишком много боли, слишком мало надежды... Но пока ты рядом, я верю. Если есть ад, пусть он будет снаружи, но рядом с тобой я буду жить.

Она, ещё пахнущая лавандой и травами, постояла над ним, прислушиваясь к ровному дыханию.

Теперь она уверена: он такой же живой. Ему тоже нужна моя помощь.

В коридоре лампа мигнула и выдала красное: ФАЗА СБЛИЖЕНИЯ — 6 дней.

«Оазис» оказался временным. Они это и так понимали, но теперь буквы кричали.

Она вернулась к двери, оставила её приоткрытой. Из соседней комнаты тянулся тёплый, ровный звук его сна.

Спать стало легко: кошмары не пришли.

Вперёд — бетон, сталь, кровь.

Позади — бетон, сталь, туман.

Между — две не сломанные жизни.

И пока на браслетах горела двойная отметка «Группа 2», ночь была чуть менее чёрной, а смерть — чуть дальше.

Глава 8. — «Искра посреди пепла»

До следующего сужения зоны оставалось четыре дня.

Бункер за спиной закрылся глухим лязгом, и снова — только небо, выжженная трава и следы крови на асфальте. Они шли пешком. Он отказался от машины: мотор был бы как крик в тишине — и выстрел за ним всегда приходит быстро.

Она шла рядом. За плечом — её новая винтовка с глушителем, собранная им специально. Он подобрал для неё всё: прицел, магазины, мощный пистолет, бронежилет, тактические перчатки. Всё, чтобы выжила. Всё, чтобы была готова.

Сначала — тревожное спокойствие.

Потом — первый посёлок. Маленький, будто мёртвый.

Он жестом указал ей на крышу одного из домов.

Она поднялась, затаилась.

Тишина — как натянутая струна.

И вдруг — грохот. Взрыв. Вопль.

Он оказался в засаде. Трое напали на него.

Граната — и в следующий миг он оказался ранен. Кровь на асфальте.

Она увидела это. Замерла.

А потом впервые в жизни — выстрелила, чтобы спасти.

Пуля ударила в спину одному. Второму — в висок.

Третий поднял оружие и нацелился на неё.

Он не успел.

Парень, раненный, с лицом, полным злости, ударил прикладом дробовика одного из нападавших. Несколько ударов — и тишина. Только его дыхание и кровь на ладони. Она взглянула на тела мужчин которых только что убила. В мыслях промелькнуло — «кто я теперь...».

Она сбежала вниз, почти на четвереньках.

Он сидел, держась за бок. Она упала рядом, достала аптечку.

— Ничего важного не задело, — выдохнул он.

Но в её пальцах не было страха. Только напряжение.

Она перевязывала его бережно. Пока перевязывала подняла на него взгляд. Холодные серые глаза смотрели прямо ей в душу. В них читалась не агрессия, а благодарность и облегчение.

Девушка, не выдержав напряжения — поцеловала его.

Он застыл. А потом просто закрыл глаза.

На выезде из посёлка — детский смех. Взрывы.

Они затаились. В переулке бегали дети — два мальчика, парень и девушка постарше. В военной одежде.

— Они... играют? — шепнула она.

Он молчал. Смотрел. И ждал — ждал момента чтобы ликвидировать.

Первым упал парень.

Потом девушка.

Дети закричали. Один погиб. Второй упал, схватившись за бедро.

Он подошёл к мальчишке, посмотрел сверху.

— Мне больно... Не хочу умирать... — прохрипел мальчик.

Парень достал бинт, бросил под ноги.

— Хочешь жить — живи. Только знай, тебе не будет пощады если нападёшь на нас. Теперь ты понимаешь, война — это не игра.

Герой выкинул пистолет мальчишки. Ушёл, не оглядываясь.

К вечеру они нашли дом. Забаррикадировались всем что было внутри: старый холодильник, стол, тумбочка и стулья.

На втором этаже — только матрас. Ни белья, ни подушки.

Он разложил её спальник. Сверху — своё одеяло. Парень по началу сел на полу, прислонившись спиной к кровати, но она почти сразу попросила его лечь рядом. На улице начался дождь и у него не было объективных причин отказываться от тёплой постели.

Ночь. В комнате пахнет железом, пылью и старым деревом. За окном — дождь. Он не просто стучит — он будто царапает мир снаружи. Будто кто-то хочет попасть внутрь, в их убежище, в их хрупкий осколок покоя. Капли ложатся на крышу, как чьи-то пальцы — настойчивые, рваные. Комната молчит, дышит. В углу — треснувший фонарь. Его мягкий,

уставший свет плывёт по полу, стене, застывает на их лицах. Она лежит на кровати — слишком чистой для этого мира. Одеяло пахнет ветошью и прошлым. Сквозь ткань футболки — её дыхание, горячее, обрывистое. Сердце — не в груди, а в горле.

Он рядом. На боку. Спит. Или делает вид. Спина — будто вырезана ножом по стали. Тишина. Покой, который не принадлежит ему. Его боль уже утихла, но тело ещё было напряжено.

И под этим всем — тот, к кому она всё ещё не решалась прикоснуться. Но не могла больше не тянуться. Шрамы на его лопатке казались следами ожогов, старых, как война, которую он носил в себе.

Она не спала. Слишком много всего было в груди.

Когда он застонал во сне, тихо, почти жалобно — она села. Протянула руку и едва коснулась его плеча.

Он не вздрогнул, но дыхание стало резче. Потом замедлилось.

— Тебе больно?.. — прошептала она.

Он повернул голову — их глаза встретились. У него были уставшие, выжженные глаза. Но в них не было страха. Только усталость... и мягкость, которую он почему-то берег только для неё.

— Немного, — хрипло ответил он.

Она медленно легла обратно, ближе, укрываясь одеялом. Коснулась его спины щекой. Почувствовала тепло кожи. Его

руку, сжатую в кулак.

— Мне страшно, — выдохнула она. — Я убила сегодня. Ради тебя. И я не жалею. Но... всё внутри как будто сломано.

Он обернулся. Медленно, как будто это — не просто поворот тела, а решение всей жизни. Лёг на спину и смотрел в потолок. Она чувствовала, как бьётся его сердце.

— Я тоже боюсь, — сказал он. — Только по- другому. Боюсь... тебя потерять.

Она прижалась ближе. Щекой к его ключице. Он повернулся к ней, и их лбы коснулись. Тихо. Осторожно.

— Обними меня, — прошептала она. — Пожалуйста. Не как герой. Просто как ты.

Он медленно обнял. Ладонь легла ей на спину, вторая — за шею. Нежно, будто она могла рассыпаться от малейшего давления.

Она прижалась к нему. Тепло между ними вспыхнуло не как страсть, а как жизнь. Укрытие от мира, в котором больше не было ни правды, ни прощения.

Он молчит. Но дыхание сбивается. Она медленно тянет руку. Касается плеча. Тёплая кожа. Его тело дёргается чуть-чуть — но не отталкивает. Тонкая ткань между ними. Но всё равно — будто кожа к коже.

— Мне просто... нужно почувствовать, что мы ещё живые. Хоть кто-то рядом. Хоть немного... — её голос дрожит, но уже не из страха.

Их глаза — усталые, но мягкие друг для друга. Он смот-

рит на неё — и видит всё.

Она тянется. Целует плечо. Потом шею. Тело его напряжено, будто сейчас рухнет или вспыхнет. Но он не отстраняется. Он гладит её по спине — будто проверяя: она здесь, реальна.

И только потом — их губы встречаются. Не в страсти. А в нужде. В крике без слов: «Останься. Не исчезай.». Медленно. Молча. Только дыхание менялось. Только руки, скользящие по её лопаткам, говорили за него.

Он обнимает её, будто носит на руках без движения. Она прижимается ближе — обхватывает его ногами, будто боится, что это — последняя возможность быть не одной.

Мир вокруг замирает. Всё, что между ними происходит — не имеет звуков. Только дыхание. Только шёпот. Он гладит её волосы. Она целует его в щеку, в шею. Он шепчет ей на ухо:

— Тихо... я здесь...

В эти минуты — они не два человека. Они внутри одного сердца, внутри одной ночи, которую они прожили вместе.

После — она лежит на его груди. Его рука на её затылке. Её дыхание — спокойное. Впервые. Он не спит. Слушает её дыхание. Водит пальцем по её лопатке — будто пишет молитву.

Он не думает о завтра. Только: «Пусть она проснётся. Пусть будет утро. Пусть я снова услышу, как она смеётся.»

Всё, что между ними произошло в ту ночь — не было

ни спешкой, ни желанием доказать что-то. Это был ответ на страх одиночества. На внутреннюю тишину, которую заполняли только они — друг другом.

Утро. Дождь уже стих. Капли всё ещё скользят по стеклу, будто не хотят отпускать ночь. Она просыпается первой. Он ещё спит. Лежит на спине, закрытые глаза, руки раскинуты — как будто сдался миру.

Она отворачивается. Закутывается в одеяло. Грудь сжимается. Щёки горят — не от стыда. От того, как сильно она этого хотела.

Она садится, смотрит в окно. Пальцы дрожат. Мысли — как сорвавшийся поезд.

«Зачем я... Почему мне... Так нужно было это?..» Но в глубине — нет сожаления. Есть только: «А если он теперь уйдёт?»

Он шевелится. Садится. Долго молчит. Потом, почти шёпотом:

— Жалеешь?

Она качает головой. Губы дрожат.

— Нет... Мне просто страшно. Я не знаю, кто я теперь.

Он смотрит на неё. Мягко, но твёрдо.

— Ты живая. И ты со мной. Этого — достаточно.

Она не отвечает. Только поворачивает голову и долго смотрит в его глаза.

И в этом взгляде — всё. Больше, чем слова. Больше, чем

близость. Больше, чем вся жизнь, что у них была до этого.

Глава 9. — «Пока ты рядом»

Зона сжалась.

Их осталось сорок. Как муравьи в банке: дерутся, взрываются, стреляют, режут друг друга.

Они молчат. Устали думать, устали гадать, устали надеяться.

Он идёт впереди — с оружием наготове.

Она чуть сзади, прикрывает. Теперь она не просто следует — она охотится. Видит, как меняется ветер, как отражается свет на оптике врага, как чуть дрожит трава, если там кто-то ползёт.

Взгляд у неё другой.

Тот, кто подкрадётся сзади — больше не доживёт.

Старая ферма — кособокие стены, дыра в крыше. Там трое.

Он кивает, как будто и не спрашивает: «Готова?»

Она отвечает без слов: снимает с плеч винтовку, ложится на живот.

Сначала выстрел — она.

Потом — он.

Один в окно. Один в горло. Последний выбегает с дробовиком — стреляет в неё. Мимо.

Парень бьёт его прикладом так, что хрустят зубы.

Девушка даже не моргает. Только смотрит на него — он снова кивает.

И она кивает в ответ. Они продолжают свой путь.

Дом на отшибе. Маленький. Почти целый.

Внутри тепло — по-настоящему. Не от печки. От стен, от запаха.

Корица. Хозяйственное мыло. Потёртый плед на кресле.

Кровать без белья. Только матрас.

— Здесь переночуем. — Он говорит тихо.

— Хорошо. — Она снимает куртку. Руки дрожат не от холода.

Они ложатся рядом. Она — на спальнике, он — ближе к краю, обняв её через плечо.

Долго лежат в тишине. Потом она говорит:

— Я не верю, что всё это правда.

— Почему?

— Потому что... в аду не может быть тихо.

— Может, если ты в нём не один. — Он смотрит в потолок.

Они говорят до ночи. Про жизнь. Про страх. Про то, как невыносимо легко стало, когда рядом кто-то живой.

Про то, что если один из них умрёт — второй уже не выживет. Не потому, что не сможет. Потому что не захочет. Постепенно оба засыпают. Утром, позавтракав выдвигаются вновь.

Холм.

Выстрелы. Они разделяются.

Она наблюдает за ним через прицел, он убивает одного.

Вдруг — тяжесть сверху. Её прижимают к земле.

Гнилой запах. Руки. Давление.

Он тяжело дышит в ухо. Его рука сжала ей рот. Она не может кричать.

— ...втроём, насладимся... потом нарежем, приготовим...

Всё внутри обрушилось.

«Я не могу пошевелиться...»

«Почему я не кричу? Почему тело... не слушается?»

«Он тёплый... но мне холодно. Я... будто не здесь...»

Её сердце бьётся сильно, не в груди — в горле, в ушах, в пальцах.

Мир стал плоским, тусклым, размытым.

«Я — просто мясо для него. Ткань. Шкура. Пульс, который хочется оборвать...»

Его язык касается её шеи.

«Это конец. Я не человек. Я просто...»

— Тшш... тише... — бормочет он, облизывая её скулу.
— ...мягкая... ох, сладкая, тёплая...

В голове вспыхивает его лицо. Его руки. Его взгляд.

«Где ты?.. Где ты?.. Где ты?!»

«Найди меня. Пожалуйста. Найди...»

И тут — резкий рывок назад. Волосы натянуты, всплеск

крови.

Глоток воздуха.

Кровь. Много крови.

Её трясёт, она дышит резко, но всё ещё не может закричать.

Только смотрит на него.

Его глаза — полны ярости. Она чувствует: не боль, не облегчение — пустоту. Как будто мир снова включился, а она вернулась из глубины, где всё было серым.

Он — её парень — сжимает нож в руке. Лицо его перекошено. Не от злости. От ненависти, не к ней — к миру. Он подхватывает её на руки, не говоря ни слова. Держит её так, будто она не из плоти — а из стекла.

Несёт прочь от этого проклятого места.

Она не знает, где они. Но знает — она теперь не одна.

Дом с покосившимися ставнями. Он врывается внутрь. Закрывает дверь.

Снимает с неё куртку — вся в крови.

— Слышишь? — он трясёт её за плечи.

Она — стеклянная. Как кукла. Только губы дрожат.

Он касается её лица.

Она плачет. Беззвучно. Без дыхания. Падает ему в грудь, вцепляется в бронежилет.

— Не оставляй... не оставляй... — шепчет она. — Не оставляй...

Он снимает с неё всё — бережно, как с ребёнка. Заворачивает в белую простыню.

Протирает её тёплым влажным полотенцем, будто смывает с неё не кровь — страх.

Укладывает в спальник. Ложится рядом.

— Всё закончится. Я с тобой.

Они лежат так некоторое время, прижимаясь друг к другу.

Зона гудит. Сжатие. Надо уходить.

Он берёт её на руки, в спальнике, и несёт до школы. Вход с Южной стороны, заколоченный досками. Он одной рукой выдирает несколько досок и с ноги выбивает дверь. Несёт её до убежища — подвала.

Запертая дверь. Внутри — тишина. Теперь они в безопасности, хоть и на время. Он расстилает спальник. По нему видно — он устал постоянно держать её на руках, но сейчас это необходимо как воздух.

Он укладывает её. Сам ложится рядом.

Она не говорит. Но держит его за запястье, будто если отпустит — всё начнётся заново. Постоянно смотрит на него мокрыми глазами. Будто если уйдёт — вернётся кошмар. Однако перенапряжение даёт о себе знать и она наконец засыпает. Он придвигает её к себе и мягко обнимает, чтобы даже во сне она знала — он рядом.

Темно. Влажность. Тишина.

И вдруг — страх.

Она просыпается.

Кажется, сейчас кто-то взломает дверь, кинет гранату.
Её дыхание сбивается. Сердце бьётся как пуля. Её трясёт.
Она дрожит — не от холода, от ужаса.
И в этот момент — он во сне обнимает её.
Не просыпаясь. Просто прижимает к себе.
Она замирает.
И впервые — не боится.

Она встаёт первой.
Умывается. Смотрит в зеркало.
Глаза покрасневшие. Но живые.
Она снова надевает бронежилет.
Проверяет винтовку.
Выходит на улицу.
Смотрит на горизонт.
Он выходит следом.
— Ты как?
Она смотрит на него.
— Лучше.
— Пока ты рядом — мне ничего не страшно.

Глава 10. — «Грань»

С каждым днём шаги становились тише. Не потому, что они стали осторожнее — просто вес исчез. Ноги несли тела почти без участия воли, как будто всё происходящее было сном, затянутым пеленой боли, тревоги и бессонных ночей.

Они шли молча. Девушка не задавала вопросов. Парень не смотрел назад. Вокруг оставались тела, выжженные дома, изуродованные лица тех, кто слишком поздно понял, что вокруг звери.

На их наручных браслетах мелькнула цифра: 40. Сорок душ. Сорок мишеней. И никто больше не притворялся человеком.

Гул КПВТ был слышен издалека — будто стучало сердце железного титана. Пока они приближались к холму, она заметила: впереди — ДОТ, старый, но укрепленный. И кто-то внутри. Опытный. Осторожный. Живой.

Когда они вышли на открытое пространство, парень первым поднял руки, отбросив винтовку. Она последовала за ним, оставив свою Мосинку в траве.

— Стоять. Дальше ни шагу. — Голос. Мужской. Хриплый. Из бойницы выглянул старик — крепкий, с военной выправкой. В руках — чудовищный КПВТ, тяжёлый пулемёт, способный пробить бетон.

Он смотрел долго, затем сказал:

— Заходите. Если бы вы были «шакалами» — лежали бы уже без головы.

Под ДОТом оказался бункер. Уютный. Небольшой. Но живой.

Их напоили. Накормили. На стол легли чёрные боевые костюмы, крепкие, как броня танка.

— «Ворон- девятый». Экспериментальная броня. Удержит многое. Главное — не теряйте голову, — сказал старик, будто выдавая инструменты своим детям.

Парень кивнул. Они переоделись. Парень объяснил старику, что зона движется и им пора уходить, так как скоро они окажутся за пределами безопасного круга. Мужчина некоторое время размышляет но всё- таки соглашается идти с ними и сражаться плечом к плечу. Они прикладывают браслеты. Теперь их трое, пора выдвигаться.

На выходе из ДОТа ставят растяжку и минируют вход.

— Я выживал благодаря этому месту. Но не хочу, чтобы всё что там осталось попало не в те руки.

— Это небольшой шанс сократить ряды потенциальных противников.

Старик молча одобрил.

Они выдвигаются в путь.

В долине под холмом — мёртвые.

Изрубленные тела. Один лежит у реки. Молодой. Его левая рука в воде. Вся изрезана рваными ранами. Крышка от

консервов в правой. Сам. Он сделал это сам.

Она отвела взгляд. — Он не хотел стать частью этого мира, — тихо сказал парень. — И я его понимаю.

Они отодвигают тело от воды и бережно кладут его на траву. Девушка вновь повторяет.

— Прости...

Некоторое время они идут молча, выходят к полю. В дали несколько небольших домов и город. Героиня чувствует что-то странное. Будто что-то не должно существовать.

— Подождите.

Она резко остановилась, присела и прижалась к прицелу.

На поляне, рядом с домами, стояли двое. Один — на коленях. Второй — с ножом. Чёрные длинные волосы, густая борода, хладнокровие во взгляде. Методично, точно будто хирург — перерезает горло. Не останавливается до тех пор, пока она не повиснет у него в руке. Девушку мутит от такой картины.

Он вытер нож о штаны. Будто ничего не произошло.

— Он не просто убивает. Он наслаждается, — шепнула она.

— Нужно прибраться. — Она выдыхает. Руки трясутся. «Ещё немного и он уйдёт».

Выстрел. Пуля разрезает прохладный воздух. Охотник оказался жертвой. Он падает. Навсегда. Рядом с тем — кого только что убил.

— Думаешь, он хуже жертвы? — спросил старик. — Я не

знаю. Но этот... был опаснее. Я это чувствовала.

Постепенно они приближаются к городу и вместе с ними приближается ночь. Они устраиваются в одном из подвалов, за толстой железной дверью. Героиня почти моментально расправляет спальник и сняв броню ныряет внутрь — поскорее в тепло. Он тоже снимает броню и устраивается рядом с ней. Старик усаживается возле стены и подложив под себя рюкзак постепенно расслабляется.

Девушка уснула, прижавшись к его груди. Он — не мог.

Он подошёл к старику, дремлющему у стены.

— Она... — начал он. — Видела слишком много. Много пережила. И спасла меня не раз.

Старик открыл глаза, глубоко вдохнул.

— Не девчонка, а скала. Видел я таких. Редкость. Остальные лгут, извиваются. Эти — молчат и действуют.

Парень чуть улыбнулся.

— Спасибо, что не стали по нам стрелять.

— Я видел в вас правду. Таких не стрелять надо — а защищать. Я хоть и старый, но вам пригожусь. — Он подмигнул парню и взглядом указал на героиню. — Иди к ней, вам вместе явно будет спокойнее.

Он вернулся. Девушка дрожала во сне. Он лёг рядом, прижал её крепче, и она затихла.

На рассвете — трупы.

Один — порван, как зверем. Второй — без крови, но ря-

дом засохшее пятно на стене.

— Кто-то убивает тихо. Быстро. Без следа.

Они поднялись на третий этаж старой школы. С их учётом — осталось семеро. Все трое молчали.

— В городе мы в ловушке. Каждый угол может быть смертельным. Каждая комната — последней.

Они смотрели вдаль. Солнце едва поднималось над горизонтом. У них не было ни костра, ни света. Только оружие. Тени их прежних.

Вдруг она прижалась к парню и нежно поцеловав его, будто на всякий случай прощаясь, сказала:

— Мы пройдем, я знаю.

Он посмотрел на неё. Глубоко. Спокойно. И впервые — не просто поверил, а почувствовал: она права. Старик улыбнулся и потрепав её по голове, будто маленькую, согласился.

Глава 11. — «После»

Утро.

Осталось шестеро.

Они покидали укрытие, зная, что это финал. С каждой минутой зона сжималась всё сильнее. Где-то недалеко раздалась выстрелы — короткие, хлёсткие, как удары бича. Потом взрыв. Один. Второй. Пятый. Тела сыпались в цифрах.

Пятеро. Четверо. Трое.

Грохот. Взрыв. Мгновение, навсегда изменившее всё.

Он держал его.

Старик. Зажал мужчину, холоднокровно расправившегося с несколькими людьми в мёртвой хватке, не позволяя вырваться. Тот завыл, как раненый зверь, вонзив нож в шею старика, но было поздно — чека уже была выдернута.

Мощный взрыв раскрошил стену, обрушил лестничный пролёт.

С неба падал пепел. Они не успели понять — кто выстрелил последним, кто остался стоять. Только двое.

Парень и девушка.

На их браслетах зажглась надпись: «Игра окончена. Поздравляем с победой.»

Он увидел, как на дорогу выходит мужчина. Тот был в очках, уставший, измождённый. В одной руке — пистолет, в

другой — винтовка. Он поднимал их вверх, медленно, как бы говоря: «Я сдаюсь».

Парень вскинул оружие:

— Брось. На землю. Медленно.

Мужчина послушно опустил винтовку. И тут — резкий поворот. Один выстрел. Девушка едва успела повернуться, чтобы закрыться.

Выстрел. Вторая очередь — уже в него. Очки лопнули, как лёд. Мужчина упал.

Парень бросился к ней.

— Ты ранена? Где?

— Плечо... просто царапнуло. Я в порядке.

Он увидел порванную ткань. Пуля сорвала кожу, но не задела кость. Ей повезло. Как и ему: его тоже задело — сквозное в плече, но не опасно.

Они переглянулись.

Из четырёх остались двое.

На браслетах вспыхнули новые координаты. Они переглянулись — без слов. Просто кивок. Просто: идём.

Они нашли старую машину у дороги. Завелась с трудом, но завелась. Они ехали молча, через мёртвую землю, где каждый куст и каждый камень помнили смерть.

Проехали мимо тела. Человека, сбитого машиной. Давно. Уже неважно кем. Его рука всё ещё вытянута к обочине.

Координаты привели к бункеру. Стальные двери. Камеры. Тишина.

Они подошли — открылись. Без слов. Без предупреждения. Их встретили люди в белых халатах. Никто ничего не сказал. Лишь жестами указали — лечь.

Два стола. Две руки, что тянутся друг к другу.

Он крепко сжал её пальцы. Она улыбнулась сквозь слёзы.
— Ты ведь рядом?
— Я с тобой.

Шум наркоза. Тишина. Им сняли браслеты, вырезали чипы. Зашили раны. Переодели. Погрузили в вертолёт. Затем увезли в разных направлениях.

Ему снятся её глаза. Её ладони. Как она впервые дотронулась до его лица, не испугавшись. Как вцепилась в него после побега от чудовищ. Как гладила его волосы, когда он не мог спать.

Она проснулась в своей квартире. Обычный потолок. Снег за окном. Снег, холодный и чистый, как будто ничто не случилось.

Он — в доме за городом. Деревья. Тишина. Сердце в груди билось странно: то ли тревожно, то ли... пусто.

Они оба смотрели в окно.

И оба чувствовали — где-то рядом есть... родная душа.

Она собирается, как будто на свидание. Тёплая, клетчатая юбка, белый как лист бумаги свитер, коричневое пальто. Белые перчатки, шарф. Снег — крупный, хрустящий. Земля замерла в ожидании.

Он едет на электричке. Не знает куда — просто едет. Вышел на станции, шёл куда глаза глядят, пока не дошёл до двора. Сел. Закрыв глаза. «Я обязательно тебя найду, только дождись...»

Впервые за всё время — стало тихо. Он вдохнул воздух. И услышал... шаги.

Она вышла из подъезда. Обернулась. Увидела.

Чудо.

Они встретились глазами. Мир исчез.

Она побежала. Поскользнулась. Падая, влетела в его объятия, они вместе упали в сугроб. Он обнял её, прижал к себе.

— Я знал... знал, что найду тебя...

— И я... — всхлипнула она. — Всё это было... по-настоящему?

— Главное, что мы настоящие.

Они поцеловались. Нежно. Осторожно. Как будто это был их первый поцелуй.

И последний.

Но впереди — была жизнь.

И было время рассказать друг другу всё, что они до сих пор не успели.

Подобно тому как прекрасный цветок может вырасти среди камней и непогоды, любовь может появиться в абсолютно любых условиях...

«Виски с ромом»

Тёплый свет ламп мягко танцует на поверхности деревянной стойки, смешиваясь с ароматом свежееобжаренного кофе, который словно обволакивает всё вокруг. Девушка, чуть моложе двадцати трёх, стоит за барной стойкой, волосы её собраны в небрежный пучок, из которого вырываются отдельные пряди, играя с лёгким движением воздуха. В углу гудит кофемашина — будто живой механический зверь, а в автоматической печи нежно греются хрустящие круассаны. За окном неспешно кружится снег, падая на серый тротуар, а в помещении тихо льётся джаз, разливаясь невидимыми волнами по пустым столикам.

— Доброе утро. Что будете? — голос её звучит мягко, словно приглашение к теплу в холодном мире.

— Двойной эспрессо. Без сахара, — мужчина, слегка поникший в плечах, протягивает карту. Его голос тих и задумчив.

— С собой или здесь? — она поднимает глаза, пытаясь разглядеть в нем нечто большее, чем просто клиента.

— Здесь... хотя, может, с собой. Всё ещё не решил, — он улыбается, и эта улыбка — как слабый огонёк в сером дне.

— Как скажете, — её пальцы касаются кнопок терминала. — Терминал работает?

— Да? Удивительно, — он хмыкает. — Вчера в супермар-

кете принимали только наличные.

— У нас можно и так, и так. Как удобно.

— А на кухне у вас кто-то есть? — он оглядывается в сторону, где должно кипеть человеческое движение.

— Нет, — отвечает она, украдкой зевая и беря стакан с горячим кофе. — Там тоже автомат.

— Слышал новости? — он слегка наклоняется вперед, глаза сверкают любопытством.

— Какие ещё? — её голос чуть дрожит, словно пытается отбросить тревожные мысли.

— Говорят... про астероид. Что его точно будет видно через месяц.

— Пугают, как обычно. Вспомните две тысячи двенадцатый, — она чуть улыбается, но в её взгляде таится тень сомнения.

В этот момент из телевизора, висящего на стене, доносится сухой, ровный голос диктора. Экран мерцает, и звук режет тишину, словно лезвие.

— ...на основании данных международной астрономической сети... столкновение астероида с Землёй неизбежно... ориентировочный срок — два месяца и десять дней...

Мужчина замирает, медленно переставая копаться в кошельке. Девушка не отводит взгляда, продолжая держать стакан, руки чуть дрожат.

— Это... шутка? — его голос тих и наполнен неверием.

— Новости не шутят таким тоном, — она смотрит прямо

в экран, где цифры и слова обретают холодную жестокость.

— Но... есть же технологии. Можно же попытаться... отклонить, взорвать...

— Если могли бы — уже сделали бы. — её слова взвешены и горьки.

Снова звучит голос диктора:

— Меры по спасению населения невозможны. Рекомендуются использовать оставшееся время по своему усмотрению.

Кофемашина вдруг замолкает — тишина становится острой и глубокой.

— Вот ваш эспрессо, — девушка ставит стакан на стойку.

— Вы вообще понимаете, что только что сказали? — мужчина смотрит на неё, как будто ища поддержки.

— Понимаю, — отвечает она ровно.

— И?

— И ничего. Вы будете пить здесь или с собой?

— Какая теперь разница... — он отводит взгляд, будто боится встретиться с собственной судьбой.

Молчание заполняет комнату, за окнами ветер и снег, машины и люди движутся привычно, словно ничего не происходит. В воздухе витает запах жжёного кофе — последний приятный штрих к миру, который вот-вот изменится навсегда.

Прошло несколько дней. Серый утренний свет лениво пробивается сквозь плотные шторы, разрезая тьму на тонкие

полосы. Девушка сидит на холодном полу, прижавшись к дивану в старом свитере, который явно слишком велик для неё. Рядом — пустая кружка, пачка печенья, бутылка вина с едва заметным остатком. Телефон лежит на столе — экран безжалостно сообщает: «Нет сети». В уголке кухни тихо гудит холодильник — единственный живой звук в пустом мире.

— Ты всё ещё здесь? — звучит голос соседки, которая только что сняла куртку и тихо села рядом, вынимая сигарету.

— А куда мне идти? — отвечает девушка, голос хрупкий, как тонкий лёд.

— На улицу. В город. В мир, который ещё не кончился.

— Он уже кончился, — тихо произносит она.

— Не говори так. Автоматы работают, поезда ходят.

— Пустые. Без людей, — взгляд её устал и безнадежен.

— Сегодня на заправке видел, как мужик заливал бензин прямо в бак, и никто не спросил, — соседка медленно щёлкает зажигалкой.

— Кто и спросит? Заправщиков нет. Никого больше нет.

Пауза затягивается, как зимний вечер, тяжёлая и холодная.

— Телефон ловит?

— Три дня — ни сети, ни интернета. Только радио изредка.

— Что говорят?

— Тишина. Всё то же.

Соседка наливает вино в стакан и поднимает его, словно за последний прилив надежды.

— А может... ну, раз всё равно... сходить куда-то? В клуб, например. «Сфера». Сегодня ночью диджей играет.

— Танцевать? Сейчас?

— Лучше, чем сидеть и гнить дома.

— Там будут пьяные, злые.

— И живые. Хоть какие-то.

Девушка долго смотрит в окно. Там, далеко, за горизонтом среди тяжёлых облаков, едва заметна крошечная яркая точка.

— Это он?

— Он, — отвечает соседка.

— Страшно?

— Пока нет.

— Мне тоже.

— Ладно. Пойдём в твой клуб.

Ночь. Перед входом в клуб стоят двое охранников в тёмных куртках, один с помповым ружьём через плечо. Вокруг — небольшая очередь, люди переговариваются вполголоса, словно боясь, что их слова улетят вместе с холодным воздухом. Над дверью мигает неоновая надпись «Сфера», а изнутри прорывается низкий гул баса, пульсирующий, как сердцебиение ночи.

— Документы? — спрашивает охранник с суровым взгля-

дом.

— Зачем? — девушка слегка сжимает руку соседки.

— Просто привычка. Не буянить. Если пьяные начнут шалить — говори, выкину.

Соседка проходит первой, охранник замечает дрожь в её руках и чуть улыбается.

— Там весело. Хоть на пару часов забудешься.

Внутри — тьма, прорезанная яркими лучами прожекторов, которые танцуют по лицам и телам. Диджей в наушниках и с мокрым от пота лбом метает руки по пульта, выкручивая ритм до предела. Толпа движется в такт, кто-то подпрыгивает, кто-то стоит, закрыв глаза, погружённый в музыку. Барная стойка уставлена бутылками — виски, ром, пиво, коктейльные шейкеры летают из рук в руки.

— Что будете? — голос бармена громкий и бодрый.

— Что есть? — спрашивает девушка.

— Всё. И бесплатно.

— Тогда ром с колой.

— Держи.

Бармен наливает не считая, девушка делает большой глоток, а соседка уже растворилась в толпе.

Кто-то случайно задевает её плечо, мужской голос.

— Извини.

— Ничего.

— Ты одна?

— Нет, с подругой.

— Понятно. Здесь редко встретишь людей, которые не улыбаются фальшиво.

— Думаешь?

— Не знаю. Но я тоже не улыбаюсь.

Они молчат, слушая, как диджей выкрикивает что-то в микрофон, толпа отвечает гулом.

— Часто сюда ходишь?

— Сегодня первый раз. И, возможно, последний.

— Почему?

— Через пару месяцев ничего не будет. Какой уж тут «ча-сто»?

Он кивает в сторону выхода на балкон. Они выходят на мороз, где холод режет щеки, и тихо. Над горизонтом светит та самая жёлтая точка, яркая, настойчиво притягивая взгляд.

— Это он.

— Походу да.

— Страшно?

— Пока нет.

— Мне тоже.

Мужчина протягивает ей сигарету, она соглашается. Несколько секунд они просто смотрят в небо — тишина заполняет пространство между ними, тёплая и хрупкая.

— Хочешь обратно?

— Нет. Здесь... тише.

— Понимаю.

Внизу кто-то громко смеётся, охранник выгоняет мужчи-

ну, пытавшегося забраться на колонку. Дверь хлопает, музыка вновь заливает улицу.

Ночь, выход из клуба. Холодный воздух, который бьёт в лицо, резок и бодрящ. Музыка ещё бьёт в спину сквозь стены, но становится всё тише. Девушка и он идут по пустой улице, держа в руках пластиковые стаканы с остатками алкоголя. Фонари горят через один, и свет мягко разбивается на замёрзших лужах.

— Ну что, домой? — спрашивает она.

— Домой? Чтобы проспать половину оставшейся жизни?

— А что предлагаешь?

— Не спать. Ни секунды не терять.

Он останавливается, смотрит на неё с легкой усмешкой.

— Ты серьёзно?

— У нас два месяца. Я не собираюсь тратить их на сон.

— Тогда... подожди.

Он сворачивает в соседний переулок, ряды машин под инеем, воздух пахнет морозом. Он достаёт тонкий металлический прут из кармана.

— Это законно?

— А что теперь законно?

Щелчок — дверца чёрного внедорожника открывается, он садится, ковыряется под рулём.

— Ты умеешь?

— После того, как разбил банкомат молотом, завести ма-

шину — детский сад.

— Банкомат?

— Да.

В первый день хаоса я сидел в офисе, сложил ноги на стол, закурил. Потом взял молоток и разнёс банкомат в холле. Думал, деньги пригодятся.

— Пригодились?

— Нет. Через два дня никому ничего не нужно было.

Мотор глухо рычит, машина вырывается на пустую дорогу. Ветер шевелит сухой снег, клуб остался далеко позади.

— А потом?

— Потом я напился в одиночку. Вломился в супермаркет, разделся догола и бегал между стеллажами, обливая себя пивом из бутылки.

— Господи...

— Я был королём этого магазина. Пока не замёрз.

Она смеётся так, что слова теряются в воздухе.

— Ты сумасшедший.

— Может быть. Но мне было весело.

Они несутся по пустой дороге, свет фар выхватывает замёрзшие деревья и обледеневшие дорожные знаки. Она кладёт ноги на панель, он иногда смотрит на неё.

— А ты? Что делала в тот день?

— Работала в кофейне. Слушала диктора, который говорил, что всё кончено. Но я продолжала наливать кофе.

— Вот это выдержка.

— Нет. Просто не верила тогда.

Они молчат, слушая старый плейлист. Хриплый голос поёт о дороге и свободе. Города исчезают, остаётся лишь дорога и ночная тишина.

Утро. Внедорожник стоит на обочине в белёсом тумане. На стеклах — тонкий слой льда. Внутри пахнет спальным мешком, пластиком и свежесваренным кофе из термоса.

— Ты вообще спал?

— Нет. Смотрел, как ты спишь.

— Это странно.

— Странно тратить время, когда его и так мало.

Она натягивает капюшон, кутается в куртку. В багажнике — пакет с сухариками, бутылка воды, яблоки.

— Надо найти еду. Скоро сухарики закончатся.

— Видел магазин в трёх километрах. Поедем.

Машина мчится по пустой дороге. Магазин — низкое здание с выбитой витриной. Внутри светло, пахнет пылью и старым деревом.

— Ты думаешь, что тут что-то осталось?

— Если повезёт.

Они находят несколько банок тунца, пива, тушёнки, сосис, сыр, чипсы, макароны, шоколад и лепёшки. Она смеётся.

— В обычной жизни я бы и не взглянула на тушёнку.

— В обычной жизни мы спорили бы, куда поехать в от-

пуск.

Они выходят на мороз. Он идёт впереди, размахивая штопором, как трофеем.

— Вчера, когда ты спала, вспомнил, как в первый день один парень пытался ограбить меня.

— Серьёзно?

— У него был кухонный нож, у меня молоток. Он убежал первым.

— У тебя талант влипать в истории.

— У меня талант из них выходить.

День. Машина снова на трассе, поля и леса мелькают за окнами. Иногда встречаются другие машины, все куда-то едут. Вдалеке желтая точка на горизонте стала ярче.

— Когда понял, что всё это серьёзно?

— Когда перестали звонить клиенты. В банке охранник сказал: «Забирай купюры обратно, нам некуда их девать.»

— Я поняла, когда в супермаркете кассы пустые, а люди берут, что хотят, без страха.

— Это хуже паники.

Он включает старый плейлист. Хриплый голос поёт о дороге и свободе. Они едут молча.

Вечер. Маленький домик у озера. Покосившийся, но с целой крышей. Внутри — запах сырости, печь, старый диван. Он сбивает замок, разжигает огонь.

— Ты умеешь?

— Дед в деревне учил.

Огонь разгорается, наполняя комнату теплом. Она сидит на полу, укутанная в одеяло, греет руки.

— Тут так тихо...

— Нравится?

— Очень.

Они ужинают — тунец, сыр, лепёшки, шоколад. Смеются, вспоминая его истории — как он бегал голышом по магазину, спорил с полицейским, курил в офисе.

— Ты даже смерть встречаешь с юмором.

— Встречаю, как хочу. Пусть хоть весело будет.

Они сидят плечом к плечу, смотрят на растущий астероид — теперь он больше, но всё ещё звезда. Она смотрит на него, потом на него.

— Я не хочу спать одна.

— Я тоже.

Ночь. Огонь потрескивает, их силуэты под одним одеялом. Они стесняются близости, будто времени полно, но взгляд наполнен растущим теплом.

— Знаешь, когда всё началось, я боялась остаться одна.

— Ты не одна.

Он нежно проводит рукой по её волосам, словно рисуя на полотне.

— Сегодня ночью хочу быть с тобой не из страха, а потому что выбрал тебя.

— Я тоже.

— Никогда не думал, что скажу такое, но я полюбил тебя. Именно таким, какой ты сейчас — настоящий, когда всё рушится. В этом — сила.

— Я люблю тебя. Если бы у нас было больше времени...

— Знаю. И я не хочу, чтобы всё закончилось. Хочу жить, чувствовать, радоваться, грустить.

Её тело дрожит, глаза блестят слезами.

— Тише. Я рядом, никуда не уйду.

Он обнимает её, боясь причинить боль.

— Ты знаешь, есть ли шанс?

— Не знаю. Но я не хочу жалеть.

Они приближаются, каждый жест наполнен лёгкостью и глубиной. Их взгляды встречаются, дыхание смешивается, и кажется, что время остановилось.

Она медленно вытягивается, касаясь губами его. В этот миг он понимает, как одинока была она.

Она обнимает его, тело теплое и нежное, глаза полны слёз и улыбки.

— Никогда не чувствовала себя так хорошо.

Он отвечает объятием.

— Никогда не чувствовал такой близости.

За окном тихо падает снег, а астероид продолжает своё медленное, неумолимое путешествие по небу — как свет надежды, который не погаснет, пока они вместе.

Под тяжёлым, но необычайно тихим небом они сидели, прижавшись друг к другу, как будто в этом единении была вся их сила и смысл. Ветер почти стих, и только лёгкое шуршание деревьев напоминало о живом мире вокруг. Астероид, теперь огромный и невообразимо близкий, висел над горизонтом, как огненный страж судьбы, его поверхность сияла пульсирующими оттенками красного и оранжевого, отбрасывая тёплый свет на их лица.

Она положила голову на его плечо, чувствуя, как его дыхание равномерно качается рядом с её. Его руки осторожно обвили её, словно стараясь удержать мгновение, чтобы оно никогда не закончилось. Их сердца били в унисон, отражая всю глубину эмоций, накопившихся за эти дни, ночи, которые казались вечностью.

В этот самый миг, когда горячее пламя коснулось их взглядов, они медленно закрыли глаза. Лёгкое прикосновение губ, нежное и одновременно наполненное мощью всего прожитого — как обещание и прощание, как признание и надежда.

Вдруг небо озарилось ярчайшей вспышкой, такой ослепительной и холодной, что казалось, будто сама вселенная вздохнула и замерла. Астероид, словно подчиняясь невидимой силе, треснул надвое — глубокая трещина разрежала его массивную поверхность. В следующую секунду огромный каменный гигант рассыпался на бесчисленные мельчайшие частицы, которые рассеялись в воздухе, превратившись

в искры и пепел.

Открывая глаза, они увидели только тонкий серебристый след на небе и раздвинутые облака, словно сама природа унесла ужас и страх, оставив после себя лишь тихую благодать.

Молча, в оглушающем состоянии, они сидели, ощущая невероятное облегчение и одновременно странную пустоту — будто выжженное пространство внутри их душ наполнилось новым светом. Время замедлилось, и мир, казалось, на мгновение вздохнул с ними в унисон.

И на этом всё остановилось — как будто история лишь начала свой настоящий путь, оставив их в тишине, полной ожидания и загадок.

«Когда падёт гнев»

(Осколок)

Глава 1. — «Кратер»

Тишина была первой, что он ощутил. Мертвая, гулкая, будто после взрыва.

Тело лежало в теплом, потрескавшемся грунте. В воздухе висел тяжелый дух — смесь оплавленного бетона и паленой плоти. Он медленно поднял голову. Гигантская чаша кратера, обугленные склоны, дымящееся дно.

За горизонтом — обугленные ребра зданий, скрюченные скелеты конструкций. Города не было. Только раскаленная пустота, серая, как пепел.

Он приподнялся, пошатнулся. Тело — совершенное, но изможденное. Он не помнил, как попал сюда. Не помнил своего имени. В памяти жило только одно — предательство. Не воспоминание, а шрам на душе, холодный и болезненный.

Он встал.

Прошло несколько минут, а он уже чувствовал — все живое ощущает его присутствие. Он слышал пульс земли, слышал, как сжимается воздух. Слышал, как невидимые твари в темноте замирают в ужасе. Мир дрожал.

Он вернулся.

Дым опадал с его плеч, будто тело само испаряло его. Он шагнул вперед. Грунт треснул под босыми ногами. Он шел, как во сне, сквозь горячую, гудящую тишину. Его возвращение не было случайностью. Это был разлом в самой реальности.

Он вышел на разбитую автостраду. Машины на обочине стояли оплавленные, черные, как дохлые жуки. Сквозь трещины в асфальте поднимался пар. Ни птиц, ни людей. Только он.

Он шел, проверяя — сам ли он настоящий, или все еще спит на дне небытия. Но каждый шаг отзывался в мышцах силой. Неудержимой, холодной, давящей. Она не требовала усилий — она и была им.

В пальцах покалывало, будто сквозь них пропускали ток. Под кожей тлело что-то древнее. Его ярость. Не горячая, а ледяная, черная, беспричинная. Ярость ко всему сущему.

На нем была темно-серая майка, черные джинсы в пыли и пепле, ветровка с обугленными краями.

Он не просто вернулся. Он вырвался. И мир должен был за это заплатить.

Он не торопился. Каждый шаг был точным, как удар барабана перед казнью. Он чувствовал на себе взгляд — не человеческий, а самого мира. Мир узнал его и отшатнулся.

Первый звук.

Сирена.

Из пыли вынырнула полицейская машина. Двое в форме. Агрессия в голосах.

— Эй! Стой!

Один уже вылез. Второй направил на него фонарик.

— Кто такой? Сумка? Телефон? Руки покажи! Закладчик?

Он стоял. Молчал. Полицейские смотрели на него с напряжением. Они не понимали, что видят.

— В машину! В отделении разберемся!

Он не ответил. Просто посмотрел. В груди что-то шевельнулось.

— Я сказал, в машину! — крикнул второй, делая шаг.

...И тогда он дёрнул рукой.

Металл хрустнул. Полицейский автомобиль взлетел в воздух, словно его швырнула невидимая рука великана. Он перевернулся, врезался в дерево, разнеся его в щепки, и рухнул на землю.

Мясо. Стекло. Хруст костей.

Тишина.

Он стоял, не дыша. Рука была все еще вытянута. Он сам не понял, как это сделал. Это не было магией. Это было... естественно. Как дышать.

Он опустил руку.

Тишина сгустилась. Теперь в ней был страх. Мир замер, затаился. Он развернулся и пошел прочь. Опустошенный.

Один.

Три часа спустя.

Возле места происхождения остановился фургон с гербом спецслужб. Вышли солдаты в черной форме. Он не сопротивлялся.

— Садись. Быстро.

Внутри — камеры, датчики, и человек напротив. Майор. Сухой, с холодными глазами.

Его привезли в серое здание, усадили за стол в пустой комнате. Лампа тускло светила. Пыль висела в воздухе.

На экране показали запись: где-то над городом в небе вспыхивает светящийся силуэт человека. Затем — удар, похожий на ядерный, но без гриба. Все просто... испепеляется. Потом камера засекает движение в кратере. Он.

Майор говорил что-то о «национальной угрозе», «аномалии», «сущности». Швырнул на стол папку с бумагами, схемами, снимками.

Герой молчал. Смотрел, не понимая, зачем ему это все.

Звуки вокруг стали расплываться. Он проваливался внутрь себя. Не от страха. От полного, всепоглощающего безразличия. Угрозы для него больше не существовало.

В какой-то момент он просто встал, подошел к стене, где стояла старая деревянная скамья. Лег, подогнув руку под голову.

И... уснул.

Глава 2. — «Инстинкт»

Он провалился не в сон, а в забытие. Без сновидений, без образов. Лишь сырая, тягучая тьма, в которой плавало одно-единственное чувство. Гнев. Не вспышка, а фундамент. Холодная, каменная плита, на которой лежало всё его существо. Тело горело изнутри, будто его внутренности были заменены на раскаленный металл. Переход в эту новую жизнь не закончился — он был мучительным похмельем от воскрешения.

Воспоминание ударило, как током.

Не картинка. Не голос. Ощущение. Тепло её руки на своей щеке. И тут же — ледяной укол стального лезвия между рёбер. Сладкий, предательский шёпот: «Тебе повезло, любимый...»

Его глаза резко открылись.

В груди что-то рванулось, и он сел на скамье, судорожно глотая воздух. По телу пробежала дрожь. Не страх. Чистая, неразбавленная ярость. Он сжал кулаки, и где-то далеко, за толстой броней стен, замигала аварийная сигнализация.

Дверь открылась. Вошёл майор. Лицо всё так же вырезано из гранита, но в глазах — настороженность. Он сел напротив, отложив папку.

— Молчишь. Разумно, — его голос был ровным, отработанным. — Но тишина ничего не меняет. Мы знаем, что ты

не человек. Знаем, что твоё появление стёрло город с лица земли. Энергетический всплеск был зафиксирован за полчаса до... инцидента. Мы отследили источник. Им был ты.

Герой не шевелился. Смотрел в стену перед собой, сквозь неё. Слова майора были пустыми мушками, жужжащими над ухом.

— Есть теория. Ты — не первое подобное существо. В архивах... аномалии. Случаи, которые не поддавались логике. Мы считаем, ты — одна из них. Сбой системы. Ошибка, которую нужно исправить.

Майор ждал реакции. Ничего. Лишь ровное, тяжёлое дыхание.

И тогда он совершил ошибку. Желая прощупать почву, найти слабость, он бросил:

— Может, тебя кто-то сделал таким? Или... предал? Бросил умирать, а ты выжил? Такое бывает. Люди — мусор. Готовы продать кого угодно.

Слово «предал» повисло в воздухе раскалённым гвоздём.

Герой медленно, с трудом шестеренок, повернул голову. Его взгляд, впервые за всё время, упёрся в майора. Брови сдвинулись, не в удивлении, а в тихом, чудовищном предупреждении. Зрачки казались бездонными колодцами, ведущими напрямиком в адское пекло.

Майор встретил этот взгляд — и отпрянул.

Внезапно, без всякой причины, его обдало то ли адским жаром, то ли космическим холодом. По спине пробежали ле-

дяные мурашки. Это не было эмоцией. Это был инстинкт. Древний, как сам мир, рефлекс добычи, застигнутой хищником. В мозгу, минуя сознание, вспыхнула одна-единственная, кристально ясная мысль:

«Продолжишь — сдохнешь. Сейчас же».

Герой не сказал ни слова. Но его взгляд сказал всё.

Напряжение спало так же внезапно, как и возникло. Герой отвёл взгляд, словно ему стало скучно. Майор сидел, не в силах пошевелиться, с лицом, покрытым крупными каплями холодного пота.

И тогда герой произнёс. Его голос был тихим, хриплым, но абсолютно твёрдым.

— Ты не такой, как те, в форме. В тебе... больше добродетели. Чем злобы.

Это прозвучало не как комплимент. Как констатация факта. Как приговор другим.

Майор молча встал. Его движения были скованными. Он вышел за тяжелую металлическую дверь, она захлопнулась с глухим стуком. Прислонившись лбом к холодной стене, смахнул пот со лба дрожащей рукой.

Охрана смотрела на него вопросительно.

— Всё в порядке, товарищ майор?

— Нет, — его голос сорвался. Он сделал вдох, пытаясь взять себя в руки. — Всё хуже, чем мы думали. Это существо... Я никогда не чувствовал ничего подобного. Это не угроза. Это... константа. Абсолютная опасность. Его нельзя

трогать. Нельзя злить. Запереть его — всё равно что пытаться запереть ураган в картонной коробке.

Час спустя, после экстренного совещания по защищённой связи, был отдан приказ. Основанный на «отсутствии непосредственной угрозы и непредсказуемости методов сдерживания». По сути — они признали своё бессилие. Его выпустили под предлогом «отсутствия состава преступления» и «недостаточности доказательств». На деле — они просто хотели, чтобы эта ходячая катастрофа ушла подальше от них.

Он вышел на улицу. Вдохнул полной грудью. Воздух был свежим, пахло дождём и землёй. Он пошёл.

Просто бродил, без цели, без направления.

Сначала он шёл, не думая ни о чём. Затем начал замечать. Муравей, тащивший соломинку в десять раз больше себя. Птица, парящая высоко в небе. Он смотрел на них — и чувствовал. Чувствовал хрупкость их жизней. И свою власть над этой хрупкостью.

Он остановился на краю обрыва, глядя на расстилающуюся внизу долину. Поднял руку. Сконцентрировался. Не на силе, а на желании. Желании контролировать то, чем он обладает. Он посмотрел на свою ладонь. Впервые за всё время на его лице появилось нечто иное, кроме ярости и безразличия. Осознание. И в тот же миг, по всей планете, от глубин океанов до вершин гор, каждое живое существо, от кита

до мыши, на мгновение замерло. Их охватил безотчётный, животный ужас. Чувство, что небесный свод дал трещину, и сквозь неё на них смотрит что-то древнее и безжалостное. Чем яснее становился его разум, тем громче звучал отсчёт до катастрофы. И все животные об этом знали.

Глава 3. — «Имя»

Дни сливались в дорогу. Небо сменяло цвет с медного на свинцово-серое, а затем на грязно-розовое на закате. Он шёл. Просто шёл. Его ноги сами несли его вперёд, будто он был перекасти-полем, гонимым ветром его собственной безцельности.

Он прошёл через выжженные степи, мимо молчаливых, полузаброшенных деревень. Люди косились на него, чувствуя исходящую от него пустоту, и спешили ретироваться. Он не обращал внимания. Сила внутри него дремала, убаюканная ритмом шагов.

В одном таком месте, на окраине городка, у обочины пыльной дороги, он увидел старого мужчину. Тот сидел на складном стульчике, а перед ним на брезенте были аккуратно разложены пачки пожелтевших газет. Ветер шелестел их страницами, будто перелистывая старую, никому не нужную историю.

Герой остановился. Он смотрел на это немыслимое в своей бесполезности зрелище несколько минут. Затем подошёл ближе.

— В чём смысл? — его голос прозвучал ясно и ровно. Это был жёсткий тенор, приятный на слух, но от которого по спине бежали мурашки. В нём не было жизни — только металл и лёд.

Старик поднял на него спокойные, выцветшие глаза.

— В чём смысл чего, сынок?

— Продавать то, что уже никому не нужно.

Старик усмехнулся, и в уголках его глаз собрались лучики морщин.

— Всему своё время. То, что вчера было новостью, сегодня — история. А историю кто-то коллекционирует. Кто-то ищет в ней ответы. А кто-то... просто память. Им это интересно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.